

ПРИХОДСКАЯ №60

Газета

АВГУСТ - СЕНТЯБРЬ 2008

ХРАМА СВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

БЛАГОСЛОВИ ВЕНЕЦ ЛЕТА БЛАГОСТИ ТВОЕЯ, ГОСПОДИ

Дорогие друзья!
Закончилось теплое лето, скоро мы все погрузимся в наши дела и планы. Предстоят тяжелые труды, особенно школьникам. Отнесемся к этому с пониманием и сочувствием. Вспомним, как сами воспринимали новый учебный год: скорее всего — как вновь начинающуюся каторгу. Но что делать? Становление человека — это постоянное преодоление себя, и чем оно успешнее, тем полноценнее наш жизненный путь.

Главный вопрос, который ставит перед нами война в Грузии: чем хочет стать Россия? Империей? Но уже две развалились, унеся миллионы жертв. Развитие России должно перестать быть экстенсивным, т.е. направленным на захват пространств. Надо осваивать то, что у нас уже есть. Мне лично нравится идея о том, что Россия призвана стать лидером в борьбе за справедливое мироустройство. Тогда и внутренние проблемы будут решаться, когда появится осмысленная и благородная цель.

Как писал В. Соловьев:
«Какой ты хочешь стать, Россия, Россией Ксеркса или Христа?»

Нельзя думать, что «от нас ничего не зависит». От того, что думает и о чем молится образованная часть нашего общества, тем более христианская его часть, зависит будущее страны.

Храни вас Бог!

Всегда ваш,
прот. А. Борисов

ЧТОБЫ СТАТЬ СОРАБОТНИКАМИ БОЖЬИМИ

«Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда» (Мф 9:13–15). <Господь возложил> руки на детей, обнимая их. И вот сегодня, в этот день, во время Божественной литургии, за которой вы все причащались Святых Тайн, во время этого молебна Господь тоже возлагает руки на каждого из вас, и обнимает каждого из вас. И каждого из вас, дорогие мои, Господь отправляет завтра в школу для того, чтобы вы были, как мы сейчас молились, радостью и утешением для своих родителей.

А часто ли мы бываем радостью и утешением для своих родителей? Вот давайте попытаемся, чтобы молитва эта не осталась только словами. Чтобы мы были, каждый и каждая из вас, радостью и утешением для своих родителей. Чтобы мы их радовали, а не огорчали, чтобы мы не капризничали по пустякам, не устраивали какие-то нелепые скандалы и, больше скажу, истерики, а были радостью и утешением. И чтобы вы

были «утверждением для Церкви нашей», как там в конце прошения говорится.

И вот вы стоите — кому семь, кому восемь, кому десять лет — и думаете: «Какое же мы утверждение?» Но пройдет еще пять, семь, десять лет и вы как раз будете утверждением для нашей Церкви Пра-

жить его красоту или разрушить его и превратить его в помойку, в свалку. Это от нас с вами все зависит.

Господь его нам дал для того, чтобы мы его украшали и делали таким же замечательным, каким он был в первый день творения, а может и более замечательным, потому что Господь наш Иисус Христос гово-

Господи, помилуй и прости нас, грешных.

Мы сегодня с вами пришли на пир Божий, на трапезу Божию. Сам Господь призывает нас. И хочу я напомнить вам притчу о званых на вечерю, потому что мы сегодня все — званые на вечерю Божию. Вечеря — это праздник! Вечеря — это радостное общение, вечеря — это торжество любви: общение с Господом и между собой, любовь Божия и наша.

И как вы помните, пришли на вечерю разные люди. Не лучшие люди, не самые разумные, не самые знаменитые, не самые уважаемые, а люди, которых подобрал хозяин по улицам да под забором. Все, кто были, — все были званы. Вот это мы с вами. Мы — вовсе не самые лучшие, может быть, самые последние! Но поскольку Божий призыв остается втуне, вот нас Он и позвал сегодня. Можно сказать, отребье, остатки! — так и было сказано в этой притче: что не пришли званые, и тогда слуги, посланные господином, пошли по улицам и собрали всякую голь. Чтобы дом праздничный, чтоб трапеза праздничная была наполнена. Это первое, что нам с вами дает напоминание о смирении.

Иногда бывает так, что человек верующий гордится этим, как будто бы у него есть какие-то привилегии, как будто бы он выше других. Нет, с теми, кто не пришел, у Господа разговор другой. А те, кто пришли, — пришли не потому, что заслужили этого, а по Его милости. И каждый из нас может подумать хорошенько, вспомнить и понять, что могло случиться в нашей жизни иначе: если бы Господь нас не призвал, мы так бы остались в пыли, в суете своей, на улицах своей жизни, без света. Это должно в нас всех пробудить великую к Нему благодарность!

Господи, как мало мы это чувствуем! Как мало мы стремимся поблагодарить Тебя за то, что Ты нас к себе позвал. Можно сказать, что Ты дал нам жизнь, потому что вне Тебя мы не живем — мы только суетимся! Мы только погрязаем в своем тщеславии, самолюбии, мелочных словах, мелочных обидях, мелочных претензиях. И так проходит вся жизнь — в ничтожестве, пустоте и глупости.

Но Ты нас призвал, напомнил

29 августа — день рождения прот. Александра Кузина

Мы сердечно поздравляет отца Александра и желаем ему крепкого здоровья, духовной и телесной бодрости, долгих лет жизни и служения на благо Церкви.

Клирики и прихожане храма свв. бесср. Космы и Дамиана

вославной. И мы вам передадим то, что мы делаем сейчас. И вы должны об этом помнить, раз вы стоите здесь, перед отверстыми царскими вратами. Раз вы уже сейчас маленькие христиане, то Господь вас зовет в будущем к большим трудам. Но для того, чтобы к этим большим трудам в недалеком будущем быть готовыми, сегодня надо учиться, сегодня надо трудиться в школе и изучать предметы. И интересные и не интересные, и веселые и скучные. И не только литературу, там, или историю, где есть о чем почитать, поразмыслить, и не только Закон Божий, который нам говорит о Боге, Создателе нашем и Спасителе, но и физику, химию, математику, биологию, ботанику, зоологию. И разные другие предметы, которые нам говорят о мире, а на самом деле тоже о Боге, потому что этот мир, в котором действуют законы математики, физики, химии, этот мир, который наполнен растениями (изучает их ботаника) и населен животными (которых изучает зоология), этот мир сотворил Господь. И в день, когда Он сотворил мир и человека, Господь сказал: вот, я отдаю вам. Это нам, дорогие мои, Господь сказал: «Вот Я отдаю вам все это, что Я сотворил. Этот мир, эти звезды, это небо, эти горы, эти реки, эти воды, эти деревья, эти растения, этих животных — все, что сотворено в этом мире — Я даю вам. И управляйтесь!» И в нашей воле теперь превратить этот мир в прекрасный сад, сохранить и приумно-

жить его красоту или разрушить его и превратить его в помойку, в свалку. Это от нас с вами все зависит. Господь его нам дал для того, чтобы мы его украшали и делали таким же замечательным, каким он был в первый день творения, а может и более замечательным, потому что Господь наш Иисус Христос говорит: донныне трудится Бог. Донныне трудится, донныне делает. Трудится через наши руки. И вот поэтому давайте изучать все эти науки, порою скучные, порою очень трудные, как математика. Сколько детей плачут и жалуются: вот опять по математике задали такие сложные вещи, такие скучные примеры. Вот я готов, вот там на клиросе бы я пел, или пела, с большим удовольствием. Или вот, молиться люблю, а математику изучать не люблю. Но, дорогие мои, математика-то нам о Боге повествует! И мы с вами, если будем вот так вот совсем уж плохо учиться, если не будем математики, физики, химии и других предметов знать и понимать, и хотеть их знать, то мы тогда с вами и к Богу не сумеем приблизиться<...>

Когда мы пойдем утром в школу, будем помнить, что мы идем учиться там и трудиться там, чтобы стать соработниками Божиими. Что мы идем в школу для Господа нашего Иисуса Христа. И всё, что мы там будем изучать, — это всё богословие. Потому что всё это, все эти дисциплины, все эти предметы говорят нам о мире, который создал Бог, о мире, в котором мы живем, и в котором Господь спасает нас от вечной смерти и выводит нас в жизнь вечную. Аминь.

Священник Георгий ЧИСТЯКОВ
Проповедь на молебне
перед началом учения отроков
31.08.1993

нам, что есть другая жизнь! Великая жизнь! Большая жизнь! Святая жизнь — жизнь христианская.

Господи, прости нас за нашу гордыню и за нашу неблагодарность Тебе.

Но для того чтобы откликнуться на призыв, этим людям, которые по улицам бродили, которых создали слуги господина, надо было все-таки встать и пойти. А у нас иной раз не хватает и этого! Малого движения!

и в чем был, уселся за праздничную трапезу. И когда хозяин проходил среди гостей, увидев этого человека, он подошел к нему и спросил: «Почему ты здесь сидишь не в праздничной одежде?» — это было обидой хозяину. А тому нечего было ответить, он так и промолчал! И господин велел его выгнать; выгнать с трапезы за неуважение. Почему он промолчал? Не мог же он сказать:

призван держать их в узде! Но мы этого не желаем.

Святой Василий Великий сравнивает человеческое тело и наши все страсти, которые ему присущи, с лошадью, на которой едет всадник. Если лошадь ему подчиняется, значит, он доедет до цели; если же лошадь неуправляема, если она все время поступает вопреки желаниям седока, она в конце концов его сбросит, и он разобьется, и она ускачет, и до цели он не доберется. Вот. Но мы не хотим ставить предел для своих страстей! Господи, прости нас, грешных.

Прот. Александр МЕНЬ

О ЗВАННЫХ НА ВЕЧЕРЮ общая исповедь

Уже позванные, мы медленно, вяло идем на трапезу Божию. Казалось бы, надо бежать! Стремиться! Тебя зовут на праздник! А мы идем, как на повинность. Когда это бывает с нами? Ну хотя бы утром, когда мы имеем 5–10 минут, чтоб помолиться, чтоб к Господу обратиться. И мы вынуждены себя нудить! Заставлять! Мысли наши разбегаются, как будто бы молитва для нас — это таскание камней.

Господи, прости нас, грешных.

Идем иногда с сомнением и колебанием, думаем: а может, нужно что-то другое, у нас есть больше дел, больше каких-то обязанностей. Нам некогда, нам всегда некогда!

Но все-таки нас зовут, и мы пришли. Мы пришли, и сегодня здесь с вами стоим.

В притче рассказывается об обычаях старинных. А обычай был таков. Когда был праздник, свадьба особенно, то не всякий человек, если он был бедняком, мог прийти одетый, как положено. И для того чтобы вид убогих людей в рваной бедной одежде не смущал гостей и не портил праздника, богатые хозяева устраивали так: у входа стоял привратник с сундуком, куда были сложены хорошие красивые чистые одежды, и каждому, кто входил, если у него не было приличной одежды для участия в празднике, эту одежду давали, и он надевал ее на себя. И вот рассказывает нам Господь эту притчу дальше: что вошел один человек и не стал переодеваться. Что на нем было — грязное ли, рваное ли — он так торопился сесть за стол и поесть, что отмахнулся от слуги, который ему предложил эту одежду,

я хотел как можно скорее сесть, что мне там одеваться и уважение выказывать — лишь бы сесть и поесть... Молчал, нечего было сказать.

Мы с вами идем на праздник Божий, в храм Божий, на участие в таинстве Христовом. И, зная, что мы не готовы к этому в большинстве своем, Церковь дает нам возможность хотя бы в эти часы надеть на свою душу чистые светлые одежды, подготовиться! Но мы об этом не думаем, и так и идем — небрежно, неподготовленные. Давайте вспомним, сколько раз мы приступали к святым тайнам не готовые, не желая готовиться. Сколько раз на вопрос Божий: почему ты не в брачной одежде? — нам нечего было сказать, потому что это было просто от нерадения. Не от каких-то обстоятельств жизни, а просто от нашей косности! Лениности! Холодности! Тупости сердца — от **нерадения**.

Так вот, сейчас, в эту минуту, в этот момент, когда мы приносим Господу покаяние, у нас есть шанс исправить эту ошибку. Исправить эту ошибку и надеть чистую одежду, которую дает нам Церковь. Вернее, дает нам Христос руками Церкви... Эта чистая одежда связана с покаянием... Как говорится в псалме: «Очисти мя, и паче снега убелюся». Буду белым! Душа будет белой. Да где ж у нас она белая, когда она черная! Когда в ней живет зависть! Властолюбие! Зложелательство! Подозрительность! Когда на языке у нас ложь! Когда мы не обуздываем своих чувств, страстей, похотей, а пускаем их на свободу! У каждого человека есть разные виды страстей, но человек

сидит, и он разобьется, и она ускачет, и до цели он не доберется. Вот. Но мы не хотим ставить предел для своих страстей! Господи, прости нас, грешных.

А много их, начиная с нашего языка — болтливости, невоздержанности; начиная от бесконечного осуждения, которое у нас в сердце и в речах.

Господи, какая, действительно, это грязная и недостойная одежда! А ведь это одежда верных! Белая одежда крещения! Она у нас запачкана маловерием, сомнением... Мы как бы всегда хотим свою волю воле Господа противопоставить: не то, что Ты хочешь, а то, чего хочу я. Господи, прости нас, грешных.

Все, что мы делаем людям, мы делаем не так, как надо: без любви, без настоящей отдачи сердца, без желания послужить ради Тебя. И самое главное, самое главное и последнее: вот этот человек, который пришел на пир, — ему было наплевать на хозяина, ему было только б поесть. И вот мы так же приходим и просим у Господа: кто здоровья, кто успеха, кто избавления от тягот и неприятностей, — но забываем о Том, Кто нас позвал и Кто пригласил, забываем, что более всего Ему дорого, когда мы приходим к Нему ради Него самого. Любовь к Господу, нашему Спасителю — это есть самое главное! Во всем, во всей нашей жизни, во всем том, что мы будем думать, чувствовать и делать. Если мы этому не научимся, то ничто другое у нас получаться не будет.

Иные говорят: как трудно любить Бога! Да, Создавшего небо и землю, нас Превосходящего бесконечно, любить трудно! Перед Ним можно

трепетать и даже ужасаться... Но для того, чтобы мы могли Его любить, Он стал человеком. Он стал Человеком, Которого наши духовные очи видят, и уши наши слышат Его слово! И мы должны понять и почувствовать, что все в нашей жизни ничтожно, если мы не прилипем к Нему.

Вот пройдет немного лет, и никого из нас не будет в живых, здесь на земле. И вот за тот короткий срок, который Он дал нам послужить Ему, мы служили себе. И все это оказалось прахом. А в вечность пойдет только то, что было через Него! С Ним! В Нем! В вере! В любви! Вот что пойдет с нами в вечность! А не наша пыль и не наше ничтожество. Значит, ради Господина, ради Господа, ради Христа Спасителя мы приходим. Чтобы понять Его любовь к нам, что Он нашу жизнь просто из жалкого существования превратил в настоящую жизнь! Жизнь вечную — здесь на земле и по ту сторону гроба. И тогда Он — наш, тогда Он наш и вечером, и утром, и в любви, и в испытаниях, и в трудностях, болезнях, и в лучшие минуты нашей жизни. Тогда мы знаем, что если светит солнце — это Его солнце, если мы чувствуем себя здоровыми — это Его здоровье послано нам, если мы радуемся общению друг с другом — это Он нам посылает, все идет от Него. Всё, что мы любим на свете, всё, что радует наше сердце, — это всё Он, это всё от Него, это Его улыбка, Его руки, Его любовь, которая изливается на нас. Вот главное, что для нас сейчас важно.

Полюби Господа — и ты не будешь оскорблять Его грехом. Полюби Господа — и станет тебе противно то, что ты делал или делала против Его воли. Полюби Господа — и ты будешь приходить на Божественную Литургию с радостью, а не подгоняя себя; и молитва будет для тебя светлым окном в темной жизни, а не повседневной занудной обязанностью.

Вот главное. Мы — дети Божии. Много званых, мало избранных, то есть тех, кто остались. Мы избранные, хотя того не заслужили. Господи, прости нас! Дай нам сегодня чистые одежды, чтоб мы могли участвовать в Твоей Божественной трапезе. Господу помолимся...

8 февраля 1987

Священник Георгий ЧИСТЯКОВ

КАЖДОЕ СЛОВО ЕВАНГЕЛИЯ ПРОШЛО ЧЕРЕЗ ЕЕ СЕРДЦЕ

Проповедь на Успение

Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, что Тебя питали, — так воскликнула, как сообщает нам Евангелие от Луки, какая-то женщина, неизвестная нам по имени, и вообще неизвестная нам больше ничем другим.

Блаженно чрево, — восклицает она и теперь со страниц Священного Писания, обращаясь к

литвах к Богородице, мы читаем *Богородице, Дево, радуйся* — и, радостно взывая к Ней, чувствуем и создаем, что Она с нами и молится о нас.

А день Ее блаженного и бесмертного Успения мы сравниваем с Пасхой, потому что как Христос сделал шаг в Своем Воскресении от жизни временной к жизни вечной и открыл нам ворота вечной

Иисусу, — *носившее Тебя*. И мы вместе с нею вот уже два тысячелетия восклицаем эти слова: *Блаженно чрево, носившее Тебя*. Мы ублажаем в песнях и молитвах Пречистую Богородицу, потому что она — Мать Иисусова и Мать наша. Потому что с Креста нас всех в лице любимого ученика Господь, Сам Господь, усыновил Богородице, потому что с креста Господь сказал, обращаясь к ученику: *вот Мать твоя*. И эти слова обращены не только к любимому ученику, они обращены к каждому и каждой из нас: *вот Мать твоя*. Вот почему вот уже почти две тысячи лет мы обращаемся в мо-

жизни, так и Она, Мать наша, в Своей Смерти, в Своем Успении, *когда гроб и умерщвление не удержаста* Ее, как поем мы в этот день в одном из гимнов, — Она тоже делает этот шаг от тления к нетлению, от жизни временной к жизни вечной и нам открывает двери в жизнь вечную. Не случайно мы называем Богородицу *Дверь Небесная, caeli porta*. Дверь Небесная — потому что именно на небеса, именно к вечности, именно к Богу открывает нам двери Пречистая Богородица Своим бесмертным Успением. Прославляя Мать Христову и Мать нашу в этот день, мы благодарим Бога

ИКОНОГРАФИЯ ПРАЗДНИКА УСПЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ

за это усыновление, за то, что нам всем дана она, Пречистая и Пресвятая Богородица. И благодарим Бога за то, что через нее мы все становимся братьями и сестрами, потому что мы все — Ее дети, потому что мы все — ее чада. И в этот день, который называют иногда летней Пасхой, в этот день на закате лета, когда становится ясно, что временное заменено вечным, тленное нетленным, в этот день мы с особенным благоговением, с особенным трепетом и с особенной радостью прибегаем за помощью и поддержкой к Пречистой Богородице.

Как-то одна женщина мне сказала, что она не очень чувствует Богородицу и надо, наверное, ей почитать о Ее жизни. А что почитать? А читать нечего, потому что всё, что мы знаем о Пречистой Матери Божьей, всё умещается на какой-то одной страничке текста, маленькой совсем страничке, — всё, что мы знаем о Ее земной жизни. Это очень мало, это отдельные факты. Но зато мы знаем всё о Ее вечной жизни, о Ее молитвенной жизни и молитвенном предстательстве за всех нас. Зато мы знаем, как в течение этих двух тысяч лет Богородица сотни раз являлась святым и праведникам, сотни раз являлась взрослым и детям, и юношам для того, чтобы через них, как через Бернадетту Субиру или через Фатимских пастушков укрепить всех нас для того, чтобы мы все через этих детей и через юношей из Меджгорья узнали, что с нами Богородица, что Она молится за нас, что Она предстательствует за нас и поддерживает каждого и каждую. Потому что бывает, что нас оставляют родные и друзья, но никогда нас не оставляет наша Небесная Мать. И когда мы вслушиваемся в то, что говорит нам Богородица, вслушиваемся в последние Ее слова в Новом Завете, а они до предела просты: *Всё, что Он скажет вам, то сделайте*, — так говорит Она, показывая нам на Своего Возлюбленного Сына, на нашего Господа Иисуса Христа, — *Всё, что Он скажет вам, то сделайте*, — вот в чем заключается всё богословие Богородицы. Вслушивайтесь в то, что говорит

Успение Пресвятой Богородицы — последний двенадцатый праздник церковного года. Тема этого праздника — кончина земной жизни Матери Божьей. Завершается год, однажды завершается и человеческая жизнь. Но смерть, как учит Православная Церковь, — это не конец: за ней распаивается небо и открывается жизнь вечная. Смерть побеждена Воскресением Господа Иисуса Христа и уже не властна над человеком: Христос, как говорит апостол, Первенец из мертвых; Он воскрес, а за ним воскресают Христовы — те, кто последовал за Ним. И прежде всего — Пресвятая Богородица. Вот почему смерть Богоматери по-славянски именуется «успением», т.е. сном, после которого следует пробуждение в Царстве Небесном. Именно это и изображает икона праздника.

Традиционная иконография сложилась в Византии примерно к IX в. и пришла на Русь вместе с самим праздником, получив здесь широкое распространение. Уже в первые века после Крещения храмы на Руси посвящались Успению Пресвятой Богородицы, один из первых — Успенский собор Киево-Печерской Лавры, постро-

енный в XI в. преп. Феодосием Печерским.

На иконе Успения мы видим Пресвятую Богородицу, лежащую на смертном одре, а рядом стоят апостолы, оплакивающие ее кончину. Среди апостолов нередко изображают жен-миронсиц, которые вместе с Богородицей следовали за Христом в Его земном служении, стояли у Креста, были у пустого гроба. Среди апостолов мы видим также святых в святительских одеждах. Это свв. Иаков, брат Господень, первый епископ Иерусалима, Дионисий Ареопагит и другие епископы первой Церкви. А на втором плане, как бы невидимом для апостолов, открывается небо, и в сияющей мандорле является Христос, окруженный ангелами. Он держит в руках душу Богоматери в образе запеленатого младенца. Когда-то Божья Мать, родив Спасителя, запеленала Его и держала на руках — теперь Он принимает ее душу, рождающуюся для вечной жизни. Смерть предстает на иконе не только как сон, но и как рождение в вечность, рождение души для Царства Божия.

Нередко на иконах сверху изображается, как ангелы возносят Богоматерь, окруженную сияю-

Христос, и не просто вслушивайтесь, но делайте, делайте то, к чему Он зовет вас. Вот весь смысл того, с чем Она, Пречистая наша Мать, обращается к нам.

Когда мы берем в руки Евангелие, то мы должны понимать, что это не только Евангелие Христово, но это Евангелие Богородицы, потому что каждое слово Евангелия прошло через Ее сердце, в каждом его слове чувствуется Ее безмолвное присутствие. И давайте подумаем об этом сегодня, и трепетно и радостно обратимся к Пречистой Матери нашей, чтобы и впредь поддерживала Она нас — поддерживала, объединяя нас в одну семью.

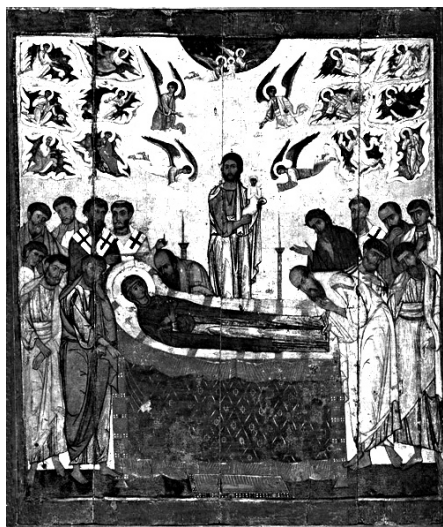
Такие разные живут на свете христиане, у нас разный цвет кожи, у нас разные языки, у нас разные духовные традиции, но всех нас, как в России, так и в других странах мира — в Италии и Литве, в Грузии и Греции, на Филиппинах и в других далеких странах, — нас всех объединяют наша любовь к Богородице и наша преданность Пречистой Божьей Матери и Ее любовь к нам, Ее простираемый над нами омофор, который каждого и каждую закрывает.

Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором. Аминь.

28 августа 2004 г.

щей мандорлой, в небеса, которые показаны в виде синего сегмента или распахнутых врат. Богородица предстает в белой одежде, что есть символ чистоты (в Откровении Иоанна Богослова сказано, что праведники омыли одежды свои кровью Агнца; Откр 7:14) или в традиционном для богородичной иконографии одеянии — темно-красном (вишневом) мафории и синей тунике.

Иконография праздника может быть предельно краткой, как, например, мы видим это на обороте иконы Донской Богоматери, которую приписывают кисти прославленного изографа Феофана Грека, а может быть расширенной, как, например, на иконах не менее прославленного древнерусского мастера Дионисия. Расширенный вариант получил наименование

«облачное Успение»: в верхней части иконы изображается, как ангелы переносят апостолов на облаках. Предание гласит: когда Богородица умирала, апостолы были на миссии; бросив жребий, кому куда идти проповедовать Евангелие, они разошлись по миру, так что многие из них находились далеко от Иерусалима. Так, например, согласно преданию, апостол Фома дошел до Индии, апостол Иаков проповедовал в Испании, апостол Андрей ходил в скифские земли, а по славянским источникам дошел даже до Киевских гор, где благословил будущую Русскую

землю. Как бы то ни было, апостолы были разбросаны по всей тогдашней ойкумене, но по воле Богородицы, которая хотела проститься с ними, были перенесены ангелами из самых дальних мест и доставлены в дом Богородицы в день ее кончины. Образ облачного Успения известен уже по ранним русским памятникам, яркий пример — икона XIII в. из Киева, известная как «Десятинное Успение» (ныне в Третьяковской галерее).

Встречаются также иконы Успения с изображением наказания нечестивого иудея, имевшего целью осквернение ложа Богоматери. На переднем плане изображается ангел с мечом, отрубающий руки человеку, который протягивает их к ложу Богоматери. Этот апокрифический сюжет, по всей видимости, появляется на Руси не ранее XV в., в момент полемики с еретиками, одно из направлений которых называлось жидовствующими: они увлекались Ветхим Заветом и отрицали Новый Завет, а также многие догматы Церкви, в том числе и богородичные. Но прямого отношения к глубокому смыслу праздника этот сюжет не имеет.

На иконе есть одна деталь, которая не сразу замечается зрителем, но она имеет, несомненно, важное значение для передачи смысла праздника. Это изображение горящей свечи. Например, такую свечу мы можем видеть в уже упомянутой иконе Феофана Грека на обороте Донской Богоматери. Горящая свеча стоит на подставочке ровно по центру иконы, перед ложем Богоматери. Желтая вертикаль свечи увенчана ярким красным пламенем. Она перекликается с фигурой Спасителя в золотых одеждах, над головой которого, как пламя, распростер крылья огненный серафим. Фигура Спасителя, таким образом, тоже уподобляется горящей свече. И мы видим как бы две свечи — большой свет и малый свет. «Я — Свет мира», — сказал о себе Господь Иисус Христос. Но и ученикам Своим Он также говорил: «Вы — свет миру». Задача каждого, кто следует за Христом, — стать светом, подобно тому,

как и Христос «Свет от Света», светить и противостоять тьме. Это исполнили многие святые, потому и говорится, что «праведники сияют, яко светила». Тем более это относится к Богородице: Ее светильник не был спрятан под сосудом, но поставлен на подсвечнике и светит всем. К тому же свеча — это символ молитвы и в то же время символ человеческой жизни, которая сгорает, тает как воск, но отдает свет.

Образ Успения Пресвятой Богородицы — один из самых глубоких в православной иконографии, потому что он показывает, что смерть не имеет власти над человеком, потому что Христос, воскресший из мертвых, дарует нам жизнь вечную. Он Сам встречает рожденную для вечности душу на пороге Царства Небесного. В иконе Успения представлена победа жизни над смертью, воскресения над тлением. В народе праздник Успения называют «малой Пасхой». Хочется вспомнить слова апостола Павла, которые повторил свт. Иоанн Златоуст в Пасхальном слове: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» Не случайно краски успенских икон яркие, светлые, радостные, можно даже сказать, торжествующие: они передают настроение праздника — ликование и прославление Христа и Богородицы.

Ирина ЯЗЫКОВА

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

5 июля 2008 г. Наталье Леонидовне Трауберг исполнилось 80 лет. От всей души поздравляем ее с этим юбилеем. И желаем здоровья, которое ей сейчас очень нужно, творческих и всяческих сил, бодрости духа и хорошего настроения. Мы очень благодарны Наталье Леонидовне за ее потрясающие переводы, за книги и статьи, за радиопередачи и беседы, и за то, что она сама являет яркий пример христианской веры и подвижнической жизни.

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ О НАТАЛЬЕ ЛЕОНИДОВНЕ ТРАУБЕРГ (Текст написан к 70-летию Н.Л.ТРАУБЕРГ)

Если она умрет раньше меня, я напишу о ней несколько строк, которые сейчас написать стесняюсь. А если я умру раньше, она, может быть, напишет несколько строк о моем “розовом” писательстве, потому что она очень хорошо понимает, что я пытаюсь делать.

Не могу сказать, что мы близкие подруги. Нас соединила третья — Лена Лапина, наша общая подруга, которая уже ушла. Но мы близкие люди. Важная точка близости — понимание собственной смерти как важнейшего факта жизни.

В годы моей ранней юности я впервые услышала ее имя. Тогда ее звали Натали. Она была очень хороша собой, хотя и не была красива в общепринятом смысле слова. Красота с годами проходит, а прекрасность лица только возрастает. И так, была Натали, высокообразованная умница, из самой «сливочной» среды, подружки, наверно, очень завидовали. Вокруг нее завихрялась жизнь: самые яркие люди этого поколения пили с ней чай, дружили, беседовали. В общем, из этой точки можно выстроить какую угодно карьеру — хоть академическую, хоть женскую, хоть общественную. И в любой части света, между прочим.

Никакой карьеры ни в каком смысле Натали Трауберг не сделала. Но она совершила выбор. Выбор этот — находиться в пути.

Поскольку моя личная привилегия — совершать открытия в области банального, я вынуждена написать следующее: у каждого человека, знает он об этом или нет, есть жизненное задание. Некоторые маются, что не могут его угадать,

другие — не хотят выполнять, уклоняются...

Вероятно, одно из жизненных заданий Натальи Леонидовны заключается в том, чтобы предъявить нам, живущим в России во второй половине XX века, некую область, в которой счастливо соединяется относительный Восток с относительным Западом, православие и католичество, интеллект и вера, разум и чувство. Последние годы она читает лекции в Богословском институте, ведет большую работу в Российском библейском обществе, выступает по радио с передачей, которая называется «Окно в Европу». Это прекрасный цикл, но название его не вполне точное. Европа, окно в которую она открывает, имеет то же отношение к Европе географической, что Небесный Иерусалим к современному городу с его еврейско-палестинскими проблемами.

Это ее работа последних, уже постсоветских лет — легальная, хотя и вызывающая большое раздражение у церковного истеблишмента и националистического фланга православия, деятельность.

А вот в годы 50-е, когда эта культурно-просветительская работа только начиналась, пробивание этого окна как раз и называлось антисоветской деятельностью.

Когда же я представляю себе тот объем христианской культуры, которая благодаря Наталье Леонидовне Трауберг была перенесена на нашу почву, начиная с 50-х годов, я испытываю сильное беспокойство: обыкновенному смертному такое не под силу. Кажется, половина западного религиозного самиздата была переведена ею на русский

язык. Имена Честертона, Грэма Грина, Толкиена, Льюиса, Вудхауза были введены ею в культурный оборот и заполняли ту пропасть, которая образовалась между Россией и Европой с тех самых пор, как русская интеллигенция разучилась говорить по-французски, писать по-немецки и читать по-английски, а три четверти зарубежной литературы оказалось в запретном списке. Сюда относилась не только художественная, но и естественно-научная, философская и историко-религиозная литература.

Молодая блестящая женщина, не делавшая карьеры, корпела над испанскими, французскими и английскими книгами. Таково было ее христианское служение.

Наталия Леонидовна прекрасно знает, что быть христианином в любые времена занятие очень трудное и, может быть, невозможное. Вместе с тем попытка войти в число друзей Иисуса (а он предлагал именно такие, а не другие формы взаимоотношений, не рабство, не поклонение, а именно дружбу), одна только эта попытка совершенно меняет человеческую жизнь, придает ей смысл, напряженность, ценность и даже, я бы сказала, увлекательность и остроту. И уж во всяком случае — радость.

В своей жизни я встретила всего несколько человек, которых, мне кажется, Иисус действительно принял в число своих друзей. Среди них была одна совсем простая деревенская женщина, один человек, считающий себя неверующим, одна девятилетняя девочка, мой прадед — старый еврей и два православных священника... Я предпо-

лагаю, что и Наталья Леонидовна из этой компании.

Наталье Леонидовне Трауберг исполнилось семьдесят лет. Это, вообще говоря, много: довоенное детство, эвакуация, сталинские времена, аресты друзей, годы безвременья, растерянности, чтения

и думания, всякого рода поисков, счастья, несчастья, смертей и рождений. Как и у каждого человека. Но, помимо всего этого, она еще и полномочный посланник Благой Вести, или Хорошей Новости, как сказал бы переводчик с русского на русский.

Долгие годы она несет свою службу без корысти, без награды, часто даже обыкновенной благодарности. Только из дружбы. Спасибо.

Журнал «Неприкосновенный запас», 1999 № 4(6)

ВРЕМЕНА И НРАВЫ

НАТАЛЬЯ ТРАУБЕРГ: «ГЛАВНОЕ В ПЕРЕВОДЕ — СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЕ ТВОЕГО ТЕКСТА БЫЛО РАВНО ВОЗДЕЙСТВИЮ ОРИГИНАЛА»

— **Наталья Леонидовна, вы были первым переводчиком, открывшим для русского читателя «другого» Честертона — христианского писателя и мыслителя. А сами Вы когда познакомились с таким Честертоном?**

— Когда осенью 1944 года мы вернулись из эвакуации в Питер, я просто ринулась заниматься английским. Мне давал уроки беглый английский коммунист. У моего отца в библиотеке было очень много английских детективов, и мы с моим учителем Ринальдо их читали. Но мне детективы Честертона нравились гораздо меньше, чем романы Агаты Кристи или Нейо Марш, например. В 1945-м Ринальдо посадили. А в 1946-м я взяла в Публичке «Возвращение Дон-Кихота» Честертона и совершенно влюбилась и в эту книгу, и в ее автора. Мне тогда было восемнадцать лет и я дружила с одним мальчиком, теперь он уважаемый профессор, ученик Ольги Михайловны Фрейденберг. Так вот, мы с ним играли в героев книги Честертона. Мы договорились, что он — Майкл Фор, а я — Оливия. Это очень похоже. Там такая барышня кисейная с любовью к старине. А я обожала Средневековье, собиралась быть медиевисткой, а он занимался античностью, культурой майя. Мы тогда по-настоящему полюбили Честертона, но, конечно, совершенно не понимали, что он христианский писатель. Его книги помогли мне пережить жуткое постановление Жданова. Я помню, как плакала, прочитав газету с текстом постановления, но через день успокоилась, потому что мы снова играли в Дон-Кихота. В то время атмосфера в Питере была какая-то оксфордско-сорбоннская. Было такое ощущение, что весь кошмар происходит где-то далеко.

— **В начале 50-х годов во время кампании по борьбе с космополитизмом ваш отец был объявлен космополитом, вас выгнали с работы. Как вы пережили то трудное время?**

— Я сидела дома, была в отчаянии. Меня не взяли ни-

куда, даже преподавать в школу. И опять меня спас Честертон: тогда я прочитала роман «Перелетный кабак». Это поразительная книжка, по-моему, самая лучшая антиутопия. Читая, я дошла до стихов, которые через много лет перевел Тоша Якобсон. В его переводе они звучат так:

В городе, огороженном непроходимой тьмой,
спрашивают в парламенте: кто собрался домой.
Никто не отвечает. Дом не по пути.
Да все перемерли, и домой некому идти.
Но люди еще проснутся, они искупят вину.
Ибо жалеет Господь свою больную страну.
Умерший и воскресший, хочешь домой.
Душу свою вознесший, хочешь домой.
Ноги изранишь, силы истратишь,
сердце разобьешь.
И тело твое будет пробито,
но до дома дойдешь.
Оковы спадут сквозь годы.
Кто еще хочет свободы?
Кто еще хочет победы?
Идите домой!

Я не могу вам передать, что со мной произошло, когда я прочла эти строки. И сейчас, когда я вспоминаю те годы, начало 1951 года представляется мне крошечной ночью, тогда со мной не здоровалось полгорода. Кто-то сказал, что голос Честертона подобен зову боевой трубы. Правда, военные уподобления не очень подходят для христиан. Но это был тот самый случай: прочтя эти стихи, я будто бы очнулась от страшного сна и ожила. Поняв, что Честертон — самый главный, я в него буквально «вцепилась».

— **Вы одна из первых начали переводить для самиздата. Как возникла идея подобной работы?**

— Была зима 1961 года. Мы жили под Москвой. Уже родился мой старший сын Томас, и я ждала дочь Ма-

рию. Я перевела «Кусочек мела» и стала дарить друзьям. Я не знаю, можно ли это назвать самиздатом. Я просто дарила свои переводы.

— **В то время ходили легенды о вашей необыкновенной трудоспособности, о том, что вы переводите необыкновенно быстро.**

— Я переводила двадцать пять эссе в год. В каждом эссе около четырех страничек. Кроме того, конечно, я занималась другими переводами, для денег. Потом я стала переводить и романы. Значит, в год была или книжка Льюиса, или двадцать пять эссе. Это была моя «норма». Каждый текст кому-нибудь посвящался. С этими переводами бывали всякие невероятные происшествия. Как-то я подарила одному из своих друзей четыре эссе. Он забыл рукопись в электричке, и мы тогда говорили: «Все, книга пошла в массы». Я думаю, что ее, несомненно, кто-то нашел и выбросил, потому что там было четыре эссе Честертона, которые ни в коей мере нельзя принять за антисоветчину.

— **Каков был тираж ваших переводов?**

— Четыре экземпляра. Тогда машинисток не было. Печатал мой муж или Володя Муравьев, иногда друзья.

— **Четыре экземпляра уходило по друзьям?**

— Они уходили, а потом их перепечатывали с невероятными издержками. Когда я приводила в порядок книгу о Франциске Ассизском, то увидела, что текст сократился примерно на треть. Обычно когда перепечатывали, сокращали большую часть. «Франциск Ассизский» был закончен в 1963 г. к Пасхе. Я его подарила священнику о. Всеволоду Шпиллеру. Он был очень смущен и удивлен: зачем я такую чушь перевожу. И как-то даже извинялся за меня передо мной.

— **Чем были для вас эти переводы: своего рода служением?**

— Да, служением. Я считала необходимым, чтобы люди прочли эти книги. Кроме того, живя подолгу в Литве, я впитывала особенности католического благочестия. Не обращая тогда внимания на проявления фарисейства, я видела только самое лучшее, что было у них. Так вот: католики очень любят так называемые «интенции». Они все свои поступки посвящают чему-то и совершают во имя чего-то. Например, не пьют кофе, чтобы разрешился ку-

бинский кризис, или чтобы Алика Гинзбурга выпустили из тюрьмы. Кому-то это покажется большим формализмом, но это очень детское и искреннее отношение. Недавно в одной статье я прочла утверждение о том, что диссиденты не смогли расшатать советскую власть. Мне кажется, что в какой-то мере они ее расшатывали, но такого колосса, если бы у него не было глиняных ног, совершенно невозможно расшатать нескольким людям. Поэтому я думаю, что и постоянные, наивные «интенции» прибалтийских католиков не меньше расшатывали советскую систему.

— **Приведите, пожалуйста, пример, когда ваши переводы были такими вот «интенциями».**

— Когда мой папа был ранен, я переводила «Человек, который был четвергом» Честертона. Работа над этой книгой была для меня как бы молитвой за выздоровление папы. Я кончила перевод, и отцу стало лучше. Эссе «О Польше» я переводила в подарок тайному доминиканскому священнику, который у нас жил. В миру он был милиционер-связист. Тогда только что объявили военное положение в Польше, а у него был день рождения. В эссе говорится о том, что Польша — это страна, которая способна выстоять даже тогда, когда, кажется, уже нет никакой надежды.

— **Как вы относитесь к современному переводу?**

— Еще до перестройки одна иностранная журналистка задала мне вопрос: «Почему у вас так «разгулялись» переводчики, так много и лихо переводят?» Мне пришлось ей тогда объяснять, что перевод был для нас единственной возможностью говорить то, что мы хотели. А сейчас можно писать самому, все разрешено, и многие люди знают иностранные языки. Нет оснований переводить день и ночь: за это почти совсем не платят.

— **Каким вам видится будущее перевода в России?**

— Мне кажется, что перевод умирает. Но, если нужно, он воскреснет, но очень в малом размере. Большинство же людей будут читать в подлиннике, собственно повсюду в мире к этому идет. Это не утопия, выучить язык не так уж трудно. Перевод не существовал в Средние века. Человек переписывал, заменив две буквы, и называл это собственным произведением. Или менял 99

процентов текста и называл это переводом. Границы перевода четко определились лишь к XIX веку. Я думаю, что в будущем останутся люди, которые, имея другую профессию, прочтя что-то на иностранном языке, скажут: «Я хочу, чтобы эта книга была по-русски, чтобы она существовала внутри моего языка». Такое вполне возможно, особенно со стихами.

— **Последнее время кроме Честертона вы еще переводите и Вудхауза. Это тоже ваш любимый писатель?**

— Здесь как раз тот самый случай. Я очень хотела, чтобы его книги смогли прочесть по-русски. Когда в том далеком 1946 году мы с этим мальчиком гуляли по Питеру, я прочитала и Вудхауза. Потом я продолжала читать его книги всю жизнь, но думала, что перевести их невозможно. В 1986 году я работала в американских архивах Льюиса. Американцы отнеслись абсолютно спокойно к моему увлечению Льюисом, но когда я сказала хозяйке, у которой жила, что перевожу Вудхауза, она буквально перевернулась в воздухе. Там я читала лекции о самиздатском переводе в России. На одной из таких лекций моя хозяйка объявила собравшимся, что я перевожу Вудхауза. Что с ними было! Дело в том, что американцы страшно любят этого писателя и считают, что он непереводим на другие языки. Для меня тоже не все так просто, я, например, не знаю, как передать речь Берти Вустера. Может быть, другим переводчикам, таким, как Харитонов, Берштейн, это удастся. А я не знаю, как бы говорил по-русски этот человек. Я перевожу его другие романы. А вообще-то, мой путь к Вудхаузу был очень долог: прочитав его впервые в 1946 году, я потом сорок три года не прикасалась к нему.

— **Когда вы переводите, вы переписываете или стараетесь строго придерживаться оригинала?**

— Это зависит от автора. Всегда нужно решать, чем можно пожертвовать, а чем нельзя. Есть писатели, переводя которых, нужно быть очень точным, а есть книги, где главное — воздействие. И ради этого воздействия можно делать все. Только бы воздействие твоего перевода было равно воздействию оригинала.

Интервью взяла Зоя СВЕТОВА
Журнал «Неприкосновенный запас», 1999 № 4(6)

70 ЛЕТ АРХИМАНДРИТУ ВИКТОРУ (МАМОНТОВУ)

Многие прихожане нашего храма неоднократно совершали паломничество в Латвию, в небольшой городок Карсава, расположенный почти на границе с Россией. Здесь находится деревянный храм во имя св. Евфросинии Полоцкой. Настоятелем этого храма служит архимандрит Виктор (Мамонтов), человек удивительный во всех отношениях: молитвенник, пастырь, духовный писатель.

В этом году у отца Виктора юбилей — 70 лет. Мы сердечно поздравляем его, желаем здоровья, духовных и физических сил и помощи Божьей в его высоком служении. Многая и благая лета!

Архимандрит Виктор часто пишет о святых подвижниках Православия, со многими из них он был знаком. Но и его жизнь — пример подвижнического служения. Он начинал свой путь в Церкви при советском безбожном режиме, и в наше непростое время являет пример глубокой веры и верности Христу.

Родился о. Виктор в 1938 г. на Дальнем Востоке. Закончил филологический факультет Южно-Сахалинского педагогического института, учился в аспирантуре в Москве, защитил кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству Марины Цветаевой. В 1970-х гг. крестился, его крестной матерью была Анастасия Цветаева.

Почувствовав призвание к монашеской жизни, он по благословению своего духовника архим. Серафима (Тяпочкина) пришел в Успенскую Почаевскую лавру. Однако времена были такие, что советские органы, борющиеся с Церковью, не желали пускать человека с научной степенью в монастырь, и сделали все, чтобы его там не приняли. Он вынужден был уехать. Некоторое жил при о. Серафиме (Тяпочкине) в с. Ракитное (Рязанская обл.), но затем по его рекомендации перебрался в Латвию, здесь по благословению митрополита Леонида (Полякова) в 1980 г. был пострижен в монахи, а в 1982 г. — рукоположен в священники. Недолго служил в Тукумсе, небольшом городке недалеко от Юрмалы и Риги. Был духовником Рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря. В том же 1982 г. назначен настоятелем храма в Карсаве, где фактически с нуля создал храм и приход. До него это был самый обычный православный приход, куда люди время от времени

Архимандрит Виктор (МАМОНТОВ)

Мамонство общения

Человек таит в себе жажду общения. Это именно жажда, а не просто желание, потому что жаждем мы того, без чего невозможно жить.

Чтобы утолить эту жажду, человек на протяжении истории искал разные формы единения. И, казалось бы, наша эпоха достигла почти совершенства в этих поисках.

Ныне мир, как никогда, стремится к единению. Он поистине стал теснее: в любом крупном аэропорту мира можно встретить людей со всего земного шара. Есть потребность жить без государственных границ, иметь одну валюту, например, евро. Предельно сократились расстояния и очень усовершенствовалась связь: не выходя из своей квартиры можно побывать всюду и вступить в контакт с любым человеком. Сидя на пенке в лесу, можно с помощью компьютера общаться с любым человеком на земном шаре, осуществлять любые деловые операции, участвовать в конференциях и т.д.

Можно романтизировать картину общения в современном мире и представить ее как невиданный прогресс — пространство преодолено, люди приблизились друг к другу, наступило всеобщее единение.

Достоевский пророчествовал: «Не верьте этому единению». И, действительно, в наступивший век информации к человеку относятся как к некоему объекту, которым можно манипулировать. Человек стремился к общению, а попал в мировую паутину, в сеть сообщений.

По словам Бердяева, «сообщения устанавливаются без общения, без интуиции и любви. Общение онтологически реально, сообщение — символично».

Грех жаловаться: мир сделал все от него зависящее, чтобы дать людям соединение и возможность общаться друг с другом. Но жажду общения он не утолил. Человек одинок.

Значит, эта жажда особой природы. «Общение выходит за пределы органической природы, оно есть духовный феномен. Выход из одиночества есть выход в Дух» (Н. Бердяев).

У мира нет Воды Живой, которая способна ее утолить, чтобы не жаждать вовек. Поэтому нужно прийти к Источнику Живой Воды.

Что значит для человека общаться с Богом?

Это, во-первых, пойти на риск взывания Его близости, на риск предстояния; во-вторых, должна произойти встреча с Богом и, наконец, должен совершиться брак души со Христом —

Сыном Божиим, чтобы началась жизнь вдвоем, жизнь вечная.

Когда человек осознает, что Бог является источником жизни, что без Него жизнь не жизнь, а умирание, тогда он может принять всерьез это решение жить с Богом. Об этом говорят евангельские притчи.

«Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаит, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то» (Мф 13:44).

Когда душа увидит Бога, возрадуется Его милосердию и уже ничего другого не может и не хочет любить так, как полюбила Господа. Она прилепляется к Богу, как ребенок к любящей его матери, и нет такой силы на свете, которая могла бы ее оторвать от Господа.

Человек отдает Богу все, чтобы всегда видеть Его, слышать Его. Он входит в такое состояние свободы, которое позволяет действовать Творцу. «Господи, Сам во мне живи, Сам говори, Сам действуй».

Так умел жить и общаться с Богом преподобный Силуан Афонский, великий подвижник веры XX столетия.

В благоговении предстоя пред

приходили помолиться, но о. Виктор стал создавать общину, в которой люди могут жить в общении с Богом и друг с другом. Кстати при нем и храм преп. Евфросинии Полоцкой преобразился, иконостас в этом храме писал иконописец о. Зинон (Теодор), с которым о. Виктор подружился еще у о. Серафима в Ракитном.

Но все же самое главное для о. Виктора — люди, которые наполняют храм, вместе с ним предстоят Господу в молитве, знают друг друга, любят, общаются, заботятся один о другом. Отец Виктор говорит: «Человек таит в себе жажду общения... Ныне мир стал теснее: не выходя из своей квартиры можно побывать всюду и вступить в контакт с любым человеком. Но в наступивший век информации к человеку относятся как к некоему объекту, которым можно манипулировать. Человек стремился к общению, а попал в сеть сообщений. Если мир эту жажду не утолил, значит, она особой природы: человек жаждет общения с Богом... Адам был не один, с Богом, а Бог, тем не менее, сказал: «Не хорошо быть человеку одному». Такое общение невозможно без уважения к свободе личного бытия того, с кем мы общаемся, будь то Бог или человек. Как сказал один брат из нашего прихода: «Всякий человек — путь ко Христу». Всякий, а не только святой».

Возлюби Бога превыше всего и возлюби ближнего своего как самого себя — в этом, как говорил Господь, весь Закон и пророки. Эти два полюса определяют жизнь и служение о. Виктора. Об этом и его книги — «Сердце пустыни», «Таинство детства» и др. Он также автор ряда статей, опубликованных в различных христианских изданиях.

Наша газета не раз публиковала статьи-размышления архим. Виктора. Сейчас вышли его новые книги «Господь — Пастырь мой» и «Таинство жизни», которые можно приобрести в нашем книжном киоске.

Господом, он умел сходить в глубину неземной тишины, безмолвия, чтобы слышать голос Бога.

«Скучает душа моя по Тебе и не может найти Тебя. Ты видишь, Господи, как влечется она и плачет, ища благодати Твоей. Ты восхотел и дал мне ее, и снова Ты восхотел и взял ее от меня. Когда я не знал ее, то и просить не мог.

И как я могу просить того, чего не знаю? Но теперь молю Тебя, потому что душа моя познала Тебя, и уладились Духом Твоим Святым, и возлюбил Тебя, Создателя своего».

В общении преподобного Силуана с Богом не было воображения, которое препятствует Духу Святому войти и вселиться в нас. Он общается с реальным, а не воображаемым Богом, ибо в месте воображаемого, по слову С. Аверинцева, встреча с Богом невозможна, там «можно встретить только поддельный призрак, но не живого Бога».

Всякий грех препятствует общению с Богом, но вовсе не исключает общения. Духовный самообман, или, на языке аскетики, прелесть, особенно опасен тем, что подменяет собой реальное Богообщение, и тем устраняет его.

Что мешает человеку реально общаться с Богом?

Наша «самость». Две ее главные формы — эгоизм и эгоцентризм. «Для любого общения, и для общения с Богом как самого глубокого из общений,— пишет С. Аверинцев,— эгоизм и эгоцентризм равно губительны, но, возможно, эгоцент-

ризм даже злокачественнее грубого эгоизма.

Эгоизм явное, очевидное, постыдное торжество самого низменного в человеке; а эгоцентризм, переориентируя на иллюзию весь внутренний состав человека, способен обратить в ложь и возвышенное в нем.

Находящийся в «прелести» эгоцентризм может весь замирать от восторга перед собственной готовностью на жертву ради Бога и ближнего.

Но его необходимое условие при этом — чтобы и ближний и Бог были его фантазиями, проекциями вовне его собственной психики. Ни реального ближнего, ни реального Бога эгоцентризм не принимает».

Общение человека с Богом может быть только на расстоянии двух свобод, когда уважается свобода личного бытия того, с кем мы общаемся. «Самость», посягая на свободу Бога, пытается обладать Богом.

Прося ежедневно Воли Божией, мы в действительности не желаем Ее, она нас пугает, нам кажется, что Бог у нас хочет что-то отнять, нам сладка наша человеческая воля. Находясь в ее власти, мы начинаем решать все за Бога: учить Его, подсказывать Ему, т.е. пытаемся управлять Им.

Как, оказывается, трудно человеку принять свободу Бога.

Она уязвляет даже праведников, о чем свидетельствуют многие примеры из Священного Писания. Вспомним, как пророк Иона, уязвляясь свободой Бога, пытался воспрепятствовать Ему любить врагов его народа — ниневитян.

Лишая Бога свободы, мы творим себе кумира, т.е. божество, которым можно манипулировать.

Но вот, преодолевая все эти искушения «самости», святой соединяется с Богом в истинном общении. Чего еще желать?

Но почему-то и сам человек, и Бог хочет для человека чего-то еще — общения с другим человеком. Адам был не один, с Богом, а Бог, тем не менее, сказал: «Не хорошо быть человеку одному» (Быт 2:18). В этом тайна.

Дар общения — главный, центральный, важнейший дар, который подается каждому человеку Богом. В своей полноте он раскрывается только в Церкви Святого Духа.

Вот свидетельство одного брата из нашей общины:

«Оживая, возрождаясь в покаянии, я обретаю дар общения с Богом и людьми, которые становятся для меня моими ближними. Я начинаю молиться. Я начинаю интересоваться людьми, живущими вокруг: думать о них, всматриваться в их лица, пробую вести разговор. Начиная входить в их жизнь. Это (новое) общение вдохновляет. Все силы новой жизни текут из такого (рожденного в Духе) общения.

Это же общение и ранит: приносит страдания, боль, берedit совесть...»

Что может ранить меня в общении с ближними? Если вдуматься, это моя собственная духовная слепота, моя нетрезвенность, мой максимализм по отношению к другим.

Я не только ожидаю, но уже почти требую от других святости, совершенства, любви.

Ко мне приступила сестра с обидой на ближних, которых она посетила в группе. Некоторые из них сильно задели ее своей нелюбовью. «У них нет любви, — пожаловалась она. — Как же я могу с ними общаться?»

Я ей сказал, что, конечно же, каждый человек хочет любви, имеет потребность чувствовать и знать, что его любят. Пока мы не будем любимы, мы не сможем выйти из-под власти зла и совершенствоваться в любви.

Только тот, кто был любим, способен возрастать как личность.

Твое желание любви так понятно, но парадокс в том, что если я ищу любви к себе, я никогда ее не найду.

Для того, чтобы быть любимым, я должен стать любящим, т.е. начать с себя, с попытки начать кого-нибудь любить. До тех пор, пока я обращен на себя, моя способность к любви замирает или вымирает. Но если я прекращу интересоваться исключительно собой и перенесу фокус внимания с себя на моего ближнего, я станюсь любящим и буду сам любим.

Каждому из нас дан дар любви, способность любить. В той мере, в какой мы пожелаем делать усилия к перемещению нашего сознания с самих себя на ближнего, мы будем укреплены и наполнены любовью других. Нужно пытаться препятствовать мыслям и желаниям получить что-то взамен, ибо этим мы умещаем любовь.

И еще твоя беда в том, — сказал я ей, — что ты настроилась увидеть святых с нимбами, настроилась на приятное, на обоняние фимиама, а они тебе преподнесли зловоние.

Но разве они сказали тебе, что они пылают как серафимы любовью? Нет. Ты увидела в них только зло. Но зло — не Христос. Христос в них никогда умереть не может. Он присутствует в них всегда. И может в них воскреснуть и рано или поздно воплотиться в их делах. Но, конечно, сразу увидеть это Присутствие Христа очень трудно.

«Однако, — как сказал наш брат из Риги, — нельзя овладеть этим Присутствием, причем «сразу». Первый трудный урок общения состоит в том, что я могу сейчас только терпеливо стоять перед лицом сокрытой Тайны, но я не властен сокрытое сделать открытым; я не могу овладеть ни тайной Бога, ни тайной человека (кто бы ни был этот человек: супруг в браке, брат во Христе, ребенок или взрослый, немошный или сильный, любящий или нелюбящий). И вот это состояние перед сокрытой Тайной — с

невозможностью отойти и невозможностью пройти дальше по одному своему желанию — и составляет содержание аскетики общения».

Как бы ни было трудно, нужно терпеливо предстоять перед ближним, нельзя уйти от него. В обход ближнего невозможно прийти ко Христу. Как сказал другой брат нашего прихода: «Всякий человек — путь ко Христу». Всякий, а не только святой. Мы все святые по призванию, но не по исполнению. «Христианство, признающее одних чистых и совершенных, — говорит Бердяев, — было бы христианством фарисейским. Максимальное требование к другим есть лицемерие и фарисейство». Церковь Христова и существует, прежде всего, для грешников, для несовершенных, для погибающих. Она не требует извержения из себя грешников и несовершенных, как этого хотели в древней христианской Церкви сектанты-монтанисты.

Если бы Церковь была собранием святых, любящих друг друга, это было бы прекрасно, но не удивительно. Удивительно и убедительно то, что собрались вместе грешники, казалось бы, несовместимые для общей жизни люди, но таинственным образом они живут вместе и, обогащенные нищетою, являют миру любовь.

Наше общение в Церкви друг с другом опирается на состояние нищеты, потому что ты отдаешь мне себя, и я отдаю тебе себя, и каждый получает от этого с избытком. Это наращивание таинственной глубины общения, но не наращивание знаний или слов.

Предел нашего общения в Церкви — совместное благодарение за жизнь с Богом, за жизнь в Духе Святом, совершаемое в таинстве Евхаристии. Община призвана к такому высокому общению, она собирается ради него. Евхаристия лежит в основании общины.

Праведный Иоанн Кронштадтский называл Евхаристию общением. «Какое преискреннее теснейшее общение! — говорил он о Евхаристии. — «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем», «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную». Но «если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин 6:53,54,56). Такого-то общения любви с начала и поныне!»

В Евхаристии мы «всегда все и всегда вместе» участвуем в Телотворении Христа, в этом являет себя дух созидания и творчества.

Каждый умалется — Христос перед нами, мы перед Ним и перед друг

другом и принимаем жертву другого. Без умаления невозможно ни принести, ни принять жертву жизни. Если нет принятия, то нет и общения, нет жизни во Христе.

Евхаристия является истинным утолением жажды общения. Но в чем наивысший, предельный смысл самого общения и общины?

Мы ведь вышли не из общины, а из Живого Бога, и, следовательно, должны возвратиться к Нему, пройдя очень трудный путь, и в конце времен соединиться с Ним.

Наше сердце жаждет вечности, поэтому не может удовлетвориться конечным, всегда несущим в себе смерть.

В глубине бытия каждого из нас зияет рана одиночества. Ее нужно понять и мужественно принять.

Но в одиночку принять рану одиночества невозможно. Для этого нужен другой, «ты», нужна община, семья. Но не будем думать, что община или брак могут в совершенстве утолить жажду общения и до конца излечить эту рану. Община и брак не самоцель, не последнее прибежище. Это место, где мне даются благодатные силы ощутить язву моего одиночества и увидеть рану ближнего, не убегая от них.

Принимая себя и другого в этой ранимости, а не в здравии, в этой немощи, а не в силе, мы стоим друг перед другом, понимая, что сами не можем спасти друг друга, и тогда, как на крик ребенка откликается мать, так на нашу взаимную немощность отзывается Утешитель — Господь Иисус Христос, ибо сказано: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20).

«Наше человеческое призвание, — писал митрополит Антоний Сурожский, — не только знать Бога, не только поклоняться Ему, не только служить Ему, не только трепетать перед Ним, не только любить Его, но, в конечном итоге, стать причастниками Божественной природы (2 Пет 1:4), т.е. именно приобщиться Богу так, что Божественная природа нам прививается, и мы становимся подобными Христу в этом отношении.

В конце времен, когда вся тварь дойдет до полноты своего существования, когда человек дойдет до своей полноты, все человечество в единении с Единородным Сыном Божиим силой Святого Духа станет единородным Сыном Божиим».

Таково наше призвание в конечном итоге — полнота Божества, полнота человеческого естества. «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2:20). Я — весь в Нем, в Отце Его, в Духе Святом.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ВАСИЛЕНКО — ФИЛОСОФА И ХРИСТИАНИНА

В ночь на 16 июля в Москве скончался Леонид Иванович Василенко. Ему было всего 62 года. Он был духовным чадом о. Александра Меня, и потому отпевание Леонида Василенко состоялось в Новой Деревне, 18 июля в храме Сретения. Он похоронен на Новодеревенском кладбище.

Родился Леонид Василенко в 1946 г., окончил философский факультет, защитил кандидатскую диссертацию. С 1989 г. преподавал философию во многих христианских учебных заведениях: Православном Общеобразовательном университете, основанном о. Александром Менем, Библейско-богословском институте св. апостола Андрея, Московской духовной семинарии, Свято-Тихоновском Православном институте, Католической духовной семинарии в Санкт-Петербурге и других. Был членом редколлегии журнала «Истина и Жизнь».

Его перу принадлежат книги «Введение в русскую религиозную философию» и «Введение в философию религии», а также большое количество статей по религиозной философии и богословию. В первые годы работы радио «София» Леонид Иванович был одним из его ведущих, работал также на Радио «Мария» в Санкт-Петербурге.

Леонид Василенко был всесторонне образованным, эрудированным человеком; как философ, он мыслил очень глубоко, а как христианин был открыт всем людям доброй воли. Будучи православным, он дружил и сотрудничал с католиками, понимая, что задачи созидания Церкви и изживания советского наследия у нас общие. Леонид Василенко был настоящим христианским просветителем, много сделавшим для того, чтобы повысить уровень христианского образования, истинным свидетелем Христовой веры в наше время. В этом его можно назвать достойным продолжателем дела о. Александра Меня.

ХРИСТИАНСТВО, ДРУЗЬЯ МОИ, ТОЛЬКО НАЧАЛОСЬ

«Христианство, друзья мои, только началось, оно — вселенская религия, для него тысяча лет, как один день. Это только начало, только первые шаги». Так говорил о. Александр Мень, неутомимый служитель Слова Божия, незадолго до своей гибели. Лучшее время православия, как и лучшее время вселенского христианства, считал он, — впереди, а не позади. И когда его спрашивали, чем же отличается современное понимание христианства от понимания первых веков, он отвечал: «Думаю, что особенно ничем: это вечно, это всегда. Если апостол Павел в I веке переживал близость с Ним, как будто он с Ним вместе погиб, умер и вместе с Ним воскрес, это доступно и современному человеку?»

(О. Александр Мень отвечает на вопросы. М., 1999).

Стоит сравнить эти светлые слова с тем, сколь невеселы бывают иногда речи очень уважаемых, серьезных и глубоко верующих людей. Они говорят: всё, что следовало сказать, уже сказано, и ничего нового мы больше ни от кого не услышим; все действующие лица мировой истории уже определились, других не будет, сценарий предстоящих событий полностью готов, все роли расписаны, поэтому ясно, что будет происходить дальше... Но что это означает? А то, что христианство бессильно предложить миру что-то новое, что оно не в состоянии преобразить мир, потому что все устало, сердца духовно угасли и на благодать уже нет надежды...

Если бы юноша Варфоломей так же рассуждал в XIV веке, он никогда бы не стал преп. Сергием Радонежским — в его время было более чем достаточно поводов думать, что на Руси растоптано и загублено всё, что только можно было загубить. Не нужно совершать больших духовных

прорывов, чтобы понять, что в духовном состоянии русских людей опереться уже не на что... Так заявил в XIX веке сумрачный, хотя по-своему искренний и преданный Церкви Константин Леонтьев. Но Сергей просто стал работать среди окружавшего безобразия и вопреки ему — он любил Россию и православие, во имя любви вступил в борьбу с унылым духом расслабленного благочестия и стал с полной самоотдачей служить Богу и ближнему. И его труд, молитва и подвиг принесли свои плоды. Вот какому примеру христианского отношения к жизни последовал о. Александр. Вера, не раз говорил он, дана нам как сила жизни, сила борьбы и сила упования. Своей работой он свидетельствовал, что путь к духовному преображению христианства не закрыт, как бы ни были плохи дела в стране, в Церквях и во всем мире.

Близким единомышленником о. Александра в этих вопросах стал во Франции о. Жак Лёв (о нем см. в журнале «Истина и

Жизнь», № 6, 1999), который за несколько лет до смерти (1999) сказал в одном интервью: «Мы живем на заре цивилизации, на заре христианской жизни, в первые ее секунды. Нет никакого смысла в том, чтобы мир перестал существовать... И совершенно не обязательно, чтобы через миллион лет кардиналы оставались такими же, какие они сейчас, чтобы епархии были разделены, как сегодня. Не будем цепляться за те «великие» реалии, которые конечны... Через миллион лет либо христианство исчезнет с лица земли, либо мы будем повторять всё тот же Символ веры II века: «Верую в Бога Отца всемогущего и в Сына Его Единородного, Господа нашего! Верую в Духа Святого, святую вселенскую Церковь, в воскресение плоти. Аминь!» Этот Символ веры не говорит: «в апостольскую и римскую». Я верую в Церковь, которая сможет изменять свои человеческие формы, и надеюсь, что она их изменит».

Верую — значит, каждый день своей

жизни осуществляю на деле то, во что верую, оставаясь в Церкви Христовой. Этот Символ веры сохранился у коптов в песках Египта. Оба священника — и о. Александр Мень, и о. Жак Лёв — очень живо чувствовали глубокую духовную преемственность христианства XX века с первыми поколениями христиан.

Эта преемственность выражается в обостренном чувстве того, что Церковь — прежде всего народ Божий, особая община Христова, место, где Христос не только продолжает Свое присутствие на земле, но и активно действует среди тех, кто решил жить по Евангелию. Это особый народ, который принципиально отличается от древнего богоизбранного народа — народа обетования, Завета и Закона Моисеева. Второй Ватиканский Собор в своих документах возродил эту формулу (Церковь — народ Божий) и хорошо выразил ее суть («Свет народам», гл. II): вся Церковь — это община верующих, возглавляемая Христом, это народ Божий, питаемый от Чаши и возрастающий во Христе, пока в высшей радости не достигнет в Небесном Иерусалиме всей полноты вечной славы.

О. Мень отдавал должное тому, что этот Собор ориентирован на возрождение в католичестве духа церковности, духа братской общинности и на Евхаристию как источник духа подлинного братолюбия. Соборные формулировки были близки и дороги о. Менью: церковная община — это «народ святой, т. е. посвященный Ему на служение», это особый организм, созданный из тех, кого искупил Христос, — Его тело, в котором Христос воплощается и действует. Здесь тайна нашего освобождения, «тайна присоединения к уделу Божию, где Бог действует», и «тайна несения на себе бремени» (Мень А. Домашние беседы о Христе и Церкви).

Замечательно свидетельствовал о народе Божиим и о. Жак, когда проводил встречи Школы веры в Москве в 1980–1982 гг.: нет воли Божией, говорил он, на то, чтобы христианство было не церковной общиной, а чем-то другим. Но есть Слово Божие: «Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). Апостол Павел тоже писал: «Если корень свят, то и ветви» (Рим. 11, 16). Это означает, что каждый из нас — листок на апостольских ветвях древа Церкви. Каждый из нас живет полнокровной духовной жизнью, когда не отрывается от древа, питается его соками и получает свет от солнца — Слова Божия. Но есть небольшое искушение заявить: «Хочу сам наполняться светом от солнца, а другие листья и ветви, да и всё это корявое дерево меня не интересуют». Такой листок отвалится от дерева, засохнет и погибнет. «То

же самое случится и с нами, — говорил о. Жак, — если мы оторвемся от Церкви, от нашей общины или группы».

О. Александр Мень благословлял своих прихожан участвовать во встречах с о. Жаком. Редко кто умел так убедительно, как о. Жак, свидетельствовать, что жизнь христианина — это трудный баланс личностного духовного возрастания и глубокой вовлеченности в жизнь церковной общины. Его личное кредо — «В Иисусе Христе Бог возлюбил всех людей — и каждого человека — любовью личной и единственной». Христианское личностное развитие происходит не иначе, как на доброй почве правильно поставленной церковно-общинной жизни, где люди, чьи сердца захвачены и возвращены Словом Божиим, приносят хорошие духовные плоды. Такие люди, встретив Христа и научившись служить Ему в общинах, способны сами становиться бессмертными семенами Слова. В их сердцах горит огонь Святого Духа. И если, к примеру, трое-четверо христиан достигли зрелости веры и жизни в своих общинах, они могут стать ядром новой общины в другом месте, передавать огонь Духа дальше. Именно общины, а не уединившиеся верующие, общины, где есть силы Слова и Духа, способны являть миру живое присутствие и действие Божие. А оно сможет реально помочь нашей больной стране и нашему больному миру.

Для России это особенно важно. Многие у нас склонны думать, что Бог открывает Свою волю только отдельным подвижникам и прозорливцам, ставшим на путь правды, — тем духоносным старцам, которые прошли суровый подвиг монашеского послушания и труда и смогли настолько смириться перед Богом, настолько умалить свое «я», что их душа стала прозрачной для передачи божественных велений духовно чутким сердцам. Очень важно, когда такие люди есть в Церкви, чтобы ищущая душа могла обратиться к ним в любой трудный момент жизни. К ним нужно относиться с искренней любовью, благоговением и доверием, они — действительно «соль земли», «люди Божии». И нет сомнений, что их полная самоотдача Богу приносит те самые прекрасные плоды, за которые их почитают православные христиане. В XX веке такими подвижниками были о. Таврион (Батозский), о. Серафим Вырицкий, о. Серафим (Тяпочкин), о. Алексей Мечёв и многие другие, чья официальная канонизация — вопрос уже недалекого времени.

О. Александр воздал должное таким людям в своих многочисленных проповедях и духовных беседах, а некоторым прихожанам рекомендовал бывать у о. Тавриона и у о. Иоанна (Крестьянкина). Но всё же он настойчиво говорил и о другом идеале — о полнокровно живущей христианской

общине, в которой воля, правда и любовь Божии открываются и осуществляются не менее убедительно, чем в жизни и в слове отдельных великих подвижников земли русской. Так было в древней Церкви, и это должно восстановиться в Церкви будущей. Ни Соловьев, ни Бердяев, которых любил о. Александр, не говорили о полнокровно живущей христианской общине, когда возвещали о грядущей Вселенской Церкви Христовой, Церкви Св. Духа. Соловьев создал образ старца Иоанна — мужественного свидетеля истины православия перед лицом антихриста, а Бердяев уважал святость Франциска Ассизского, отдавал должное о. Алексею Мечёву и называл преп. Серафима Саровского «великим творением Божиим».

Произошло это, вероятно, потому, что оба философа связывали преемственность Церквей XIX–XX вв. больше со Средними веками, чем с древней Церковью. Обмирщение приходской жизни в позднеантичную эпоху и в Средние века вынуждало тех, кто жаждал выйти на путь духовного возрастания, искать духовного руководства среди монахов, удалившихся от сложившихся поместных общин. И католичество нашло простое и ясное решение: пусть в большой Церкви появляются и действуют монашеские ордена как особые церковные объединения, имеющие целью жить по Евангелию. Это как бы «церкви в Церкви», говорил о. Мень, особые духовно обновленные общины внутри огромного церковного организма, составленного из множества обычных приходов и епархий. В такие общины и вовлекались те, кто настойчиво искали путь Христов. Подобное решение не потеряло своего значения и в XX веке.

Но не только «церкви в Церкви», а вся Церковь должна, как это и было возвещено в древнехристианские времена, стать свидетельством Божьего присутствия и Его действия в мире. Апостол Петр писал: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенство Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий» (1 Петр 2, 9–10). В комментариях на Послание к Ефессянам, пока не опубликованных, о. Александр писал: «Церковь — это новый народ Божий, в нем исчезают все племенные различия; она есть также Тело Христова, в котором воплощается Сам Господь. Христос пришел возродить и обновить творение, и это Его дело совершается в Церкви. Она есть не нечто неподвижное, но живой растущий организм. Сознание причастности к Церкви, пребывания в ней должно проявляться во всей жизни христианина, в его семейных и общественных отношениях. В Церкви каждый

несет свою долю ответственности за дело Божие, подобно воину, сражающемуся в рядах войска».

Древние христиане предпочитали называть себя учениками Христовыми — теми, кто пошел вслед за Учителем по Его пути. Они не просто присоединялись к Церкви, чтобы числиться среди христиан, а брали на себя самые серьезные обязательства под знаком вечности. К этому и призывает Слово Божие: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8, 34). И мы тоже, решительно настаивал о. Александр, должны становиться учениками Христовыми, чтобы наше единство превратилось в народ Божий. Не просто делаться верующими, не просто участвовать в таинствах, соблюдать церковную дисциплину и быть послушными духовным наставникам, но быть верными в глубинах своих сердец. Ученики Христовы — те, кто полностью примирился с Богом и запечатлен Духом Святым, те, кто вместе идут Его путем и чьи взаимоотношения основаны на вечной и незыблемой духовной связи — Самом Христе. Как и сказано: «Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). Община верных — не просто братство единомышленников, подобное многим другим чисто человеческим союзам, а «Тело Христово». Его ученики, когда они едины, обретают то духовное горение, которое оказывает серьезное воздействие на многих. Они все вместе убедительно являют внешним живое присутствие Бога в Церкви.

«В сущности говоря, народ Божий может быть даже тогда, когда он насчитывает единицы; когда существует один приход, он уже есть Церковь, в нем есть всё: в нем есть Христос, Св. Писание и Таинства, которые и есть присутствие Христа. Если рассматривать не административно, не регионально, не организационно, не инстанционно, а реально. И так говорили и Отцы Церкви: каждая поместная церковь, т. е. каждое место, где совершается Литургия, — уже есть Церковь во всей полноте, такая, как она есть» (Мень А. Домашние беседы...). Здесь происходит общение учеников Христовых в вере, таинствах, молитве и взаимопомощи. И ныне мы должны вспомнить, а значит, восстановить, вернуть к жизни то, что изначально уже осуществилось в первохристианской общине: «Были и общие молитвы, и беседы, и чтение Слова Божия, и проповеди, и взаимопомощь, и совместный труд, но в центре всего стояла Трапеза Нового Завета... Они жили Им и в Нем. Не «память о великом Человеке», Которого больше нет, соединяла их, а Его реальное, таинственное присутствие. Обетование «Я с вами» не обмануло. Он воскрес, чтобы остаться с ними. На этой встрече с живым

Сыном Человеческим, Который грядет, но и Который уже здесь, среди людей, стояла отныне и будет всегда стоять Его Церковь, Церковь Нового Завета» (Мень А. Апостолы).

Любовь, деятельное добро, служение ближним — вот признаки подлинности веры учеников Христовых. Их братская любовь превосходит все остальные харизмы, она бессмертна. Они прекрасно понимают при этом, что основа церковного строя — это послушание в любви, строгость образа жизни, самая серьезная ответственность каждого за всех других и за общину в целом. Вся жизнь верных принадлежит Богу, посвящается Ему как жертва.

Во времена апостола Павла примером подлинно христианской общины стала маленькая Филиппийская церковь. Она отличалась крепкой верой, была беззаветно предана апостолу и служила ему опорой и утешением. Здесь его всегда понимали и любили. Видя эту общину своих «соучастников в благодати», Павел чувствовал, что его служение не напрасно, сколь бы ни огорчали его коринфяне, галаты или колоссяне своими смутами, конфликтами, изменами Евангелию и кое-кто — сомнительной моралью. Подводя в тюрьме итог своей жизни, Павел писал с радостью и любовью: «Благодарю Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою, за ваше участие в благовествовании от первого дня даже донныне, будучи уверен в том, что начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа...» (Флп. 1, 3–7). Филиппийскую церковь апостол считал своим даром Христу, а свое предстоящее страдание и мученическую смерть за веру — «как бы жертвенным возлиянием, добавленным к этому дару». Но это вовсе не означало того, что Павел успокаивался, — нет, отмечал о. Мень, Павел «считает себя и своих пасомых не достигшими совершенства, а лишь стремящимися к нему, пребывающими в пути» (из неопубликованных комментариев на Послание к Филиппийцам).

Ну, а в наше время — разве сегодняшнему русскому православию чужда общинность? Неизменная любовь православных к соборности побуждает думать, что «общинное» понимание соборности вполне допустимо. Об этом говорит свидетельство, связанное с пастырской деятельностью архимандрита Сергия (Савельева), который смог создать свою общину еще до войны. Несмотря на гонения тех лет, община сохранилась, и в 40-е гг. о. Сергей, вернувшись в Москву после заключения и ссылки, обратился к Патриарху с просьбой официально признать общину. Его принимал протопресвитер Николай Колчицкий, управлявший

делами Московской Патриархии. «Быль это или мистификация — вот вопрос, который стал перед ним» (Архим. Сергей (Савельев). Далекий путь. М., 1998). О. Николай вовсе не отмахнулся, не откладывая поехал — причем не на служебной машине, а на пригородном поезде — в Фирсановку под Москвой, где располагалась община, и лично убедился: это правда. Конечно, в сталинские времена самое большее, что можно было предложить о. Сергию, — это служить в одном из недавно открывшихся храмов. В знак особого уважения и признания ему было предложено служить в Елоховском соборе.

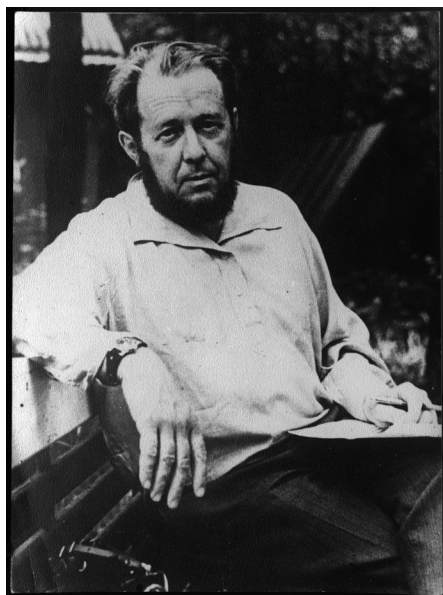
Эта община, впрочем, не была миссионерской. О. Александр Мень был миссионером по духу, и для него ученичество Христово в общинах — это не только свидетельство веры и жизни по Евангелию, но и миссионерское служение. Когда он ставил вопрос, чего ожидает от нас Господь в предстоящее время, он говорил о вещах, близких по духу сказанному в декрете Второго Ватиканского Собора «Об апостольстве мирян». В этом декрете активные миряне, ученики и свидетели Христовы, были названы опорой священников и епископов, соучастниками их миссионерского труда, теми, кто призван повсюду участвовать в создании церковных общин и заботиться о нуждах народа Божия, рассеянного по всей земле. Но вот что характерно для о. Мень: согласно его пониманию, малые христианские общины миссионерствуют не как учителя, а как ученики Христовы. Они проповедают, но не пропагандируют, они свидетельствуют, но не требуют признания своего авторитета над «совками», не превозносят себя как «глубоко верующих», они не предлагают новую христианскую идеологию, а являют живое присутствие Христово:

«Проповедь. Это значит, что мы должны найти общий язык с людьми нашего времени, не отождествляясь с ними полностью и не отгораживаясь от них стеной архаики. Это значит, что мы должны поставить — заново, свежо, как бы открывая впервые — все те вопросы, которые ставит перед нами Евангелие.

Свидетельство. Это значит, что мы должны решить — мы еще не решили — жизненную задачу: найти свою позицию в жизни, свое место не в обычном смысле слова, а свое отношение ко всем жизненным проблемам.

И, наконец, Присутствие. Чтобы мы всё время учились молитве и чтобы углубляли в себе опыт таинств, чтобы наше свидетельство было не свидетельством об идеологии, а свидетельством о живом присутствии Бога в нас» (Мень А. Домашние беседы...).

Леонид ВАСИЛЕНКО

ОН СТРЕМИЛСЯ ЖИТЬ НЕ ПО ЛЖИ

НА СМЕРТЬ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

В ночь с 3 на 4 августа на 90-м году жизни умер выдающийся русский писатель, историк, публицист и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын. Отпевание писателя прошли 6 августа в Москве, в Большом соборе Донского монастыря, он погребен на монастырском кладбище рядом с могилой великого русского историка Василия Осиповича Ключевского. И это глубоко символично, ведь сам Солженицын считал себя историком России.

Солженицын занимает совершенно особое место в истории России. Он во многом был первооткрывателем и первопроходцем. Еще когда в «Новом мире» вышла его повесть «Один день Ивана Денисовича», стало ясно, что он может сказать правду о той стране, в которой мы живем. И такую правду, на которую еще никто не решался. Для многих это также было открытием страны, открытием той реальности, которую так тщательно маскировали идеологическим камуфляжем власти. Потом были другие повести и романы, в том числе эпохальный «Архипелаг Гулаг», который стал откровением для всего мира. В частности, он открыл глаза западным интеллектуалам, романтически увлекавшимся идеями коммунизма.

В основном, люди и знают Солженицына по этой книге, хотя сам писатель считал главным своим произведением эпопею «Красное колесо». Он задумал ее в юности, когда ему не было и восемнадцати лет. Он решил, что напишет книгу о русской революции, чтобы понять, что же с нами — со страной, с культурой, с каждым из нас — произошло. По существу, он задумал глубинное исследование России, которую, как известно, ни умом не понять, ни аршином общим не измерить. И сам он стал героем великого романа под названием «жизнь». Солженицын прошел все круги ада — войну, лагерь, смертельную болезнь, покуше-

ние, предательство, клевету, изгнание. Но также признание, возвращение на Родину, прижизненную славу и похороны с почетным караулом. Пожалуй, этого могло бы хватить не на одну жизнь.

Солженицын считал, что задача художника состоит в том, чтобы постичь замысел Божий о мире и глубинный смысл событий и явлений, свидетелями и участниками которых мы оказываемся. Он верил, что в самой страшной истории есть смысл, который не всегда нам ясен, или мы не можем истолковать его правильно. Но если этот смысл понять, тогда можно выйти из самых страшных тупиков и заблуждений на прямую дорогу.

Писатель критиковал не только сталинский Советский Союз, но и современный западный мир. Он считал, что одним из самых больших заблуждений нынешней цивилизации является провозглашение человека высшей ценностью мира, центром мироздания, целью развития вселенной. В своей Гарвардской речи 8 июня 1978 г. он говорил: «Мерю всех вещей на земле оно [современное общество] поставило человека — несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и десятков других пороков... И то, что мы не признаем за человеком задач выше земного счастья, и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями. За пределами физического благополучия и накопления материальных благ все другие, более тонкие и высокие, особенности и потребности человека остались вне внимания, [...] как если бы человек не имел более высокого смысла жизни».

Разве это не похоже на современную Россию, которая берет порой худшее из западной цивилизации?

Солженицын считал, что популярная формула «человек создан для счастья», не просто красивая мечта, а формула саморазрушения человечества. Он писал: «Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рожден только для счастья, — он не был бы рожден и для смерти. Но оттого, что он телесно обречен смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлеб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом веселого проживания их, но несение постоянного и трудного долга,

так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал ее».

Сегодня становится все более очевидно, что Солженицын не публицист, как его воспринимают многие, а скорее религиозный мыслитель. Не случайно, помимо многих других, он был награжден в 1983 г. Темплтоновской премией. Эта премия, основанная в 1973 г. Фондом Джона Темплтона в США, дается «За прогресс в развитии религии». Она присуждается «людям, имеющим особые заслуги в укреплении духа перед лицом нравственного кризиса в мире».

На вручении этой премии в Лондоне 5 октября 1983 г. А. И. Солженицын сказал: «Больше полувека назад, еще ребенком, я слышал от разных пожилых людей в объяснение великих сотрясений, постигших Россию: “Люди забыли Бога, оттого и всё”. С тех пор, трудясь над историей нашей революции немногим менее полувека, прочтя сотни книг, собрав сотни личных свидетельств и сам уже написав в расчистку того обвала 8 томов, — я сегодня на просьбу как можно короче назвать главную причину той истребительной революции, сглагодавшей у нас до 60 миллионов людей, не смогу выразить точнее, чем повторить: “Люди забыли Бога, оттого и всё”».

Многое, происходящее в XX веке, Солженицын объяснял, исходя из многовековой истории России. Он любил говорить, что если бы не было XVII века, не было бы 17-го года. В XVII веке наше православие было подорвано расколом. В XVIII веке Россия была сотрясена насильственными преобразованиями Петра, подавившими религиозный дух и национальную жизнь и поставившими во главу угла экономику, государство и военную политику. Однобокое петровское просвещение принесло в Россию дух секуляризма, который в XIX в. пропитал образованные слои и открыл путь марксизму. К началу XX в. вера в России испарилась из кругов образованных и была искажена в необразованных. А там, где изгоняют Бога, появляются бесы, как хорошо показал Достоевский.

Солженицын подчеркивал, что вся философская система Маркса и Ленина держится на ненависти к Богу, и это главный движущий импульс, он первое всех политических и экономических причин революции. Воинствующий

атеизм — это не побочный продукт коммунистической политики, это ее стержень.

Он говорил: «Бесплодны попытки искать выход из сегодняшнего мирового положения, не возвратя наше сознание раскаянно к Создателю всего: нам не осветится никакой выход, мы его не найдем: слишком бедны те средства, которые мы себе оставили. Надо прежде увидеть весь ужас, сотворенный не кем-то извне, не классовыми или национальными врагами, а внутри каждого из нас, и внутри каждого общества, и даже в свободном и высокоразвитом — особенно, ибо тут-то особенно мы всё это сделали сами, свободной волей. Сами же мы повседневным легкомысленным эгоизмом эту петлю затягиваем.

Спросим себя: не ложны ли идеалы нашего века? И наша уверенная модная терминология? И от нее — поверхностные рецепты, как исправить положение? На каждом поприще их надо, пока не поздно, пересмотреть незамутненным взглядом. Решение кризиса не лежит на пути усвоенных ежедневных представлений.

Наша жизнь — не в поиске материального успеха, а в поиске достойного духовного роста. Вся наша земная жизнь есть лишь промежуточная ступень развития к высшей — и с этой ступени не надо сорваться, не надо и протоптаться бесплодно. Одни материальные законы — не объясняют нашу жизнь и не открывают ей пути. Из законов физики и физиологии нам никогда не откроется то несомненное, как Творец постоянно и ежедневно участвует в жизни каждого из нас, неизменно добавляя нам энергии бытия, а когда эта помощь оставляет нас — мы умираем. И с не меньшим же участием Он содействует жизни всей планеты — это надо почувствовать в наш темный, страшный момент».

Многие сегодня называют Солженицына пророком. Хотя критиков и противников у него не меньше, чем сторонников. Да, он многое видел иначе, чем мы. В чем-то с

ним даже невозможно согласиться. Но он увидел и понял главное — если человек думает построить рай на земле без Бога, он построит только ад. Он призывал жить не по лжи, а по Божьим заповедям. И сам жил так, как ему подсказывала его христианская совесть.

В одной из многочисленных публикаций, которых в эти дни множество, мне попалась молитва, написанная Александром Исаевичем Солженицыным:

Как легко мне жить с Тобой, Господи!

Как легко мне верить в Тебя!
Когда расступается в недоумении
или сникает ум мой,
когда умнейшие люди
не видят дальше сегодняшнего вечера
и не знают, что надо делать завтра,
Ты снислаешь мне ясную уверенность,
что Ты есть
и что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты.
На хребте славы земной
я с удивлением оглядываюсь на тот путь
через безнадежность сюда,
откуда и я смог послать человечеству
отблеск лучей Твоих.
И сколько надо будет,
чтобы я их еще отразил,
Ты дашь мне.
А сколько не успею,
значит, Ты определил это другим.

В этих словах — его вера и его упование.
Вечная ему память.

А. В.

ПАМЯТЬ СВЕТЛАЯ

17 августа умерла наша Аллочка — Алла Григорьевна Спиридонова, прихожанка храма свв. бессребренников Космы и Дамиана с первых дней возобновления в нем богослужений в 1991 году. Ей было 70 лет. Ушла добродетельная, улыбчивая, очень спокойная, совершенно неконфликтная — святая женщина. Ее, конечно, знали все старые прихожане, хотя, возможно, не все сразу вспомнят — настолько незаметным и тихим человеком она была. Всегда в трудах и всегда в тени. А труд ее в храме был огромный и очень непростой: кухня, трапезная. Это ведь не только работа — ранний подъем, закупки, готовка, обслуживание, мытье тяжелой посуды и т. д., — но и забота, чтоб было вкусно, чтоб всех накормить и обласкать приветливым словом, чтоб любого, даже совсем опоздавшего или неожиданного человека было чем попотчевать... И всё это так, что не видно не только трудностей, но и ее самой — то как будто нет там. Скромность и какая-то внутренняя благодатная тишина. И уж, конечно, никаких жалоб на усталость,

на непонимание, на недооценку, на чей-нибудь нелёгкий характер... Поистине «блаженны кроткие»!

Алла Григорьевна — выпускница Московского института иностранных языков, владеющая французским, большую часть жизни проработавшая в библиотеке Академии естественных наук СССР. И вот, выйдя на пенсию, как говорят, «на заслуженный отдых», она десять лет верой и правдой служила в трапезной нашего храма, никого никогда и ничем не огорчив.

А ей самой в жизни выпало немало огорчений: тяжело больному мужу требовался самоотверженный уход. Много лет она помогала семье брата, опекала очень больного сына своей подруги, живущей во Франции, поддерживала морально и физически семью дочери Ирины. Аллочка вырастила замечательную дочь, тоже подвижницу, которая с первых дней болезни матери взяла на себя все заботы и хлопоты о ней и до последнего её часа была с ней рядом, нежная, любящая и такая же самоотверженная.

При этом быт и работа никогда не

захватывали Аллочку полностью. Она была устремлена к Богу всем существом. Она искала глубокого понимания того, что такое жизнь по Евангелию вообще и что это значит для неё. Когда в нашем храме возникли первые евангельские группы, Алла Григорьевна принимала живейшее участие в одной из них (у Марины Винецкой) — и там такая же деликатная, любовно ровная в отношениях со всеми. И хотя работа в трапезной и семейные заботы давно оторвали ее от группы, сестры вспоминают нашу Аллочку с любовью и благодарностью. Читая много духовных книг, она черпала у о. Александра Меня, владыки Антония, о. Георгия и у других силы и поддержку в своих добрых делах, а позже — и в болезни. «Возьми свой крест и следуй за Мной» — это она приняла просто и естественно, как лично к ней обращенное.

Она мужественно боролась со своим тяжким недугом, была полна оптимизма, верила, что победит она, а не болезнь, хотя знала всё. И вот теперь у нас есть еще одна молитвенница на небесах. Светлая ей память!

З. Канаева,
Т. Рябина

ПРИХОДСКОЙ ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ — 2008

Как заметила одна из ведущих, Лена: «С каждым лагерем все менее понятно, о чем писать». Вообще-то я согласен с Леной. Принимаясь за написание статьи для Приходской газеты, понимаю трудности наших подростков, вернувшихся домой. Родителям надо что-то рассказывать, но как описать лагерь людям, которые сами там не были? Пожалуй, как-то так: «Было хорошо, и жаль, что закончилось».

И все же я постараюсь рассказать. Во-первых, я очень хочу поблагодарить тех, с кем мы были в этом году вместе. Во-вторых, я не очень доверяю своей памяти. Наверное, в будущем нас ждет что-то другое, не менее трогательное и важное, но наверняка захочется вспомнить, что было. Ну и воспользуюсь возможностью нескрытой рекламы. Итак...

Календарно лагерь проходил в конце июня, но на самом деле все начинается гораздо раньше — в марте. Именно тогда проводится первая организационная встреча ведущих, начинает формироваться команда, озвучиваются первые, самые приблизительные идеи. Один из важных принципов нашего лагеря заключается в том, что программа строится на вопросах, волнующих ведущих в момент обсуждения. Иными словами основа программы лагеря — это мозаика спорных вопросов. Почему так? Во-первых, там, где есть вопрос, там — жизнь. Так, мне кажется, можно понимать слова «блаженны нищие духом»: счастливы просящие, вопрошающие. С людьми, которые дают понять, что устройство мира им доподлинно известно, мне обычно скучно. Мне кажется, что хорошие ответы всегда ставят новые вопросы. А во-вторых (и здесь мы уже говорим о специфике работы с молодежью и подростками), мне кажется, что взрослый вопрошающий, ищущий, умеющий принимать свою растерянность в каких-то вопросах, может дать подростку гораздо больше, чем убежденный в своей правоте «гуру». Такая позиция старшего друга вызывает у молодого человека больше доверия и дает много надежды. Утратившему веру в миф о всезнающих и всемогущих родителях подростку очень важно узнать, что можно продолжать двигаться вперед, любить, учиться, узнавать Бога, работать и радоваться, даже будучи иногда растерянным, иногда — разочарованным. Оказывается, одно другому не мешает.

Итак, наш лагерь состоит из двух частей. Первая, подготовительная часть

лагеря, в которой принимают участие ведущие — это не просто разбег, она имеет вполне самостоятельную ценность. Здесь есть место и для совместной молитвы, и для раскрытия, и для поиска, и для новых прозрений. Уже на втором, заключительном этапе к нам присоединяются 90 участников от 11 до 22 лет, и мы проживаем все вместе 9 наших лагерных дней.

Это только кажется, что времени с марта — «вагон». По большому счету, определить тематику лагерных дней нужно уже к третьей встрече. Как не сделать ошибку и скомпоновать хорошую структуру программы? Мы посмотрим, какие темы «отзываются» в душе пришедших на подготовку больше всего, вокруг каких тем и идей формируются инициативные группки ведущих, готовых вместе поразмышлять, исследовать, поставить подвопросы и придумать мероприятия.

Может быть, прошедшие лагерь как-то подзабылись, но у меня ощущение, что в этом году еще более четко и ответственно сработали координаторы дней: Наташа, Женья, Марина, Маша, Полина и Лена. Каждая из них, по сути, оказалась в позиции директора лагеря на свой день. Уже начиная с конца апреля основная работа по созданию программы идет по инициативным группам, которые собираются по домам или в храме независимо друг от друга. От координаторов групп требуется большое мастерство по сохранению уникального баланса между глубиной, красотой и технической возможностью реализации всех идей по программе дня.

Конечно, очень помогает опыт участия в прошлых лагерях и поддержка коллег, но, несмотря на все логические объяснения, меня все равно переполняют восхищение и благодарность при мысли о наших координаторах.

12–13 апреля всем составом ведущих мы выехали в один из подмосковных пансионатов. Было очень приятно видеть в числе приехавших даже тех, кто по тем или иным причинам не собирался участвовать в проведении лагеря этого года. Для меня это стало свидетельством того, что наше общение ценно само по себе, а не организуется ради осуществления какого-либо проекта. В этой ситуации даже холодное слово «тим-билдинг» можно было употреблять без внутреннего напряжения. Очень здорово, что с подростками мы делимся действительно тем, чем сами дорожим, и не стараемся казаться кем-то другим. На таких выездах происходит примерно то же, что в лагере: мы отдыхаем, играем, обсуждаем жизненные вопросы, читаем Евангелие, молимся. В этом году к нам приехал пообщаться игумен Петр Мещеринов — его монастырь находился совсем неподалеку от нашего дома отдыха.

Вторая половина июня — очень напряженное время. Как правило, сценарии дней уже подготовлены инициативными группами, и до лагеря нужно решить все технические вопросы: съездить на рынок, в магазины, найти необходимый реквизит по антресолям и дачам. Успех лагеря в очень большой степени зависит от мелочей. И здесь очень важно участие каждого ведущего:

подберет ли он себе костюм, уделит ли внимание мелким деталям антуража. В этом году для меня каждый день начинался с сюрпризов. Конечно, общий ход событий я представлял, но каждый раз был повод изумиться — то чьему-нибудь костюму, соответствующему тематике дня, то новому украшению в зале. Технически организовать появление таких деталей невозможно. Такие вещи появляются от неравнодушия и красоты конкретных людей — наших ведущих.

В этом году мы впервые за много лет организовали лагерь на базе с «общечеловеческими» условиями — в корпусах был душ и горячая вода, а питанием занималась местная столовая. Таким образом, в отличие от предыдущих лагерей, нам с Игорем и Колей не нужно было по несколько раз в день ездить за водой и провиантом. Из-за условий сильно подскочила цена оргвзноса и я беспокоился, найдут ли возможность родители записать в лагерь детей. То ли Господь захотел «поработать» с моей

на проливной дождь, все игры были проведены, имена если не запомнены, то, по крайней мере, озвучены, и даже более того: большинство участников смогли посмотреть друг другу в глаза — одно из заданий было выстроиться в шеренгу по цвету глаз! Наташа, Настя, Леша, Оля, спасибо вам за начало, за удачное «отплытие»!

За проведение **второго** дня, темой которого стало сотворение мира, взялась Женья. День обещал быть и эффективным, и глубокомысленным — Женья прекрасно умеет и то, и другое! Тем более что в группе по подготовке второго дня оказались потрясающие Настя, Саша, Влад и другие. В первой половине дня нам хотелось почувствовать себя первобытными людьми, подумать, что в человеке осталось неизменным с древних времен, а чем мы отличаемся от своих дальних предков. «Что есть человек?» — согласитесь, не такой уж простой вопрос. Конечно, идея несла в себе много возможностей для конструктивного дуракаваляния: мы придумывали клич

тому я уверен, что футбол и бадминтон не менее ценны в лагере, чем молитва или вкусный обед. В этом абзаце хочу отдельно поблагодарить Бога за трех прекрасных мужчин: Лешу, Колю и Зураба, занимавшихся спортивной частью.

И сразу о **молитве**. Очень важно, что в этом году у нас была возможность организовать в отдельном помещении

часовню, открытую целый день. Здесь проходили вечерние серьезные встречи, здесь мы каждый день собирались на утренние молитвы, заранее составленные Полиной. Желающие могли прийти сюда посидеть в тишине между мероприятиями.

Еще одна сквозная линия — это **кружки**. В этом году их было пять. Наташа вела кружок «Креатив», Лена с Олей — «Внутреннюю свободу», Оля Скоморохова — «Молитвенные танцы», Женья, Маша и Тима — театральную студию. Я по традиции вел «Мужской клуб», на котором мы обсуждали актуальные мужские темы. Участники Олиного кружка впоследствии неоднократно радовали публику на концертах.

амбициозностью, то ли родители у нас решают все в последний момент, но в середине июня записалось только 55 человек и я уже написал письмо с предварительными извинениями о недоборе администрации базы. Извиняться в итоге не пришлось: при заезде мы заняли все имевшиеся кровати. В лагере было 90 участников и 25 ведущих. Иногда приезжали и гости.

Задача **первого** дня — знакомство. Знакомство с территорией, знакомство стареньких с новенькими, знакомство ведущих с участниками. Первый день — всегда стресс. Инерции программы нет, отношения еще не налажены, интерес и доверие участников еще только предстоит заслужить. Несмотря

на племя и боевой окрас, от имени первобытных людей рисовали наскальные послания, придумывали свой миф о сотворении мира.

После обеда читали Бытие, говорили о том, что в отличие от книг по истории в Библии говорится о событиях, которые происходят с человеком здесь и сейчас. Рассуждали о том, что Бог разделяет с человеком ответственность за мир, и о том, что, по сути дела, каждый новый день нашей жизни — это приведенное к нам Богом «животное», которому нам как хозяевам необходимо дать имя, определить его сущность.

Важный элемент программы каждого дня — это **спорт**. Мне кажется, важно, что у человека есть разные потребности и каждая из них важна. Поэ-

Вечером второго дня прошла серьезная встреча. Таких встреч, как правило, в наших лагерях три. Тему первой — «возможность выбора» — изначально в марте предложил обсудить Влад. В течение подготовок и затем в лагере мы рассуждали о том, что в нашей жизни от кого зависит (чистка зубов, поступление в музыкальную школу, выбор одежды или музыки в плеере, злость или влюбленность, наши ценности и т.д.). На группах мы также обсуждали, какие решения в своей жизни мы принимали сами, когда возникает напряжение с родителями в вопросах распределения ответственности, делились мнениями о предопределенности судьбы.

Затем были свидетельства. Это очень важная для нас форма общения, когда вожатый говорит о каком-то важном для

себя опыте. Это ни в коем случае не лекция о том, как надо жить. Свидетельство — рассказ о том, как получается жить у конкретного человека. Оно может быть и смешным и трудным, но, как правило, становится поддержкой для многих: я не один, есть люди, которые сталкиваются с похожими обстоятельствами и находят свой путь.

радостях взрослого возраста, а после ужина у нас была возможность побыть стариками и старухами, испытать на себе ограничения по слуху, зрению, пластичности. Перед сном состоялся музыкальный вечер. Из Москвы к нам специально приехали Саша, Юра и Олег. Играли блюз, джаз и просто хорошую музыку.

Вечером состоялась **вторая серьезная лагерная встреча**, посвященная очень непростой теме «Покаяние». Мне кажется, что решение взяться за нее говорит о каком-то новом этапе в развитии команды клуба и лагеря. Вопросы на подготовках обсуждались самые разные. Как находить силы дви-

Наш **третий день** был посвящен теме «возраст» и по антуражу был одним из самых трудоемких. При входе на склад возникло впечатление, что на большей части коробок приклеена табличка с именем Марины — координатора этого дня. Шутка ли — нам предстояло за один день пройти все возраста и побывать сначала младенцами, потом подростками, затем — молодежью, взрослыми и, наконец, стариками! К этому дню в больших количествах закупались детские соски, игрушки, школьно-письменные принадлежности, собирались очки и прочий реквизит. Если Марина за что-то берется, за это «что-то» можно быть абсолютно спокойным: все будет заранее продумано, разложено и согласовано. Но дело, конечно, не только в организационной безупречности и столь ценном порядке с вещами. Марининой командой (Настей, Олей, Лешей, Наташей, Даней и Ильей) была придумана очень насыщенная и интересная программа, сквозь которую мы пролетели на одном дыхании. Младенцы пытались сообщить «родителям» без слов, чего они хотят, детсадовские детки строили пирамиды из кубиков, школьники проводили на уроке физические опыты. На группах мы думали про детство и юность наших родителей, пытались представить их на нашем месте.

После обеда ведущие свидетельствова-ли о том, как они выбирали профессию. Рассказывали о разочарованиях и открытиях на своем пути. Рассказы получились очень разными — кто-то уже с детства понимал, чем будет заниматься, кто-то решил изменить свой профессиональный путь уже в более старшем возрасте.

Вечером говорили о трудностях и

День «Возраст» на этом закончился, но соски во ртах некоторых участников почему-то оставались и в последующие дни...

Четвертый день был посвящен Востоку. Изначально в кругу ведущих мы обсуждали дилемму восточного «быть» и западного «делать». Вообще в этот день хотелось как-то погрузиться в медитативную тишину. Именно по этому вопросу и возникли дискуссии на подготовках: нужна ли подросткам тишина и способны ли они, привыкшие к клиповой культуре быстрой смены картинки, выдержать полчаса молчания? Здесь нас ждало одно из удивлений лагеря этого года. Задание побыть в тишине было воспринято как что-то само собой разумеющееся. Лагерь преобразился: по всей территории под деревьями и на полянках сидели задумчивые участники, а наводить дисциплину практически не потребовалось. Вторым заданием стало найти в лагере объект (дерево, цветок), который наиболее точно отображает нынешнее состояние. Отдельную благодарность хочу выразить всем ведущим, позаботившихся о восточных костюмах и музыкальных инструментах. Время тишины было совершенно волшебным!

Днем Лена и Оля провели очень важную встречу о разных формах молитвы. Ведущие говорили о своем молитвенном опыте и о том, как важны в отношениях с Богом не только усилие, но и спонтанность, творчество, доверие Богу.

После обеда восточные мудрецы проводили специальные кружки: каллиграфия, икэбана, поэзия, живопись, гимнастика и даже изготовление суши! Спасибо всем восточным мудрецам и авторам дня: Лене, Марине, Оле, Насте, Насте и Наташе!

гаться дальше, столкнувшись со своим бессилием? Что есть грех? Как мое несовершенство сочетается с безусловной Божьей любовью к человеку? Как сочетать святоотеческую антропологию с представлениями о человеке в современной гуманистической и экзистенциальной психологии, которой интересуются некоторые из ведущих, в том числе профессионально? За что я вообще несу ответственность, а в каких случаях мое покаяние будет лишь сотрясанием воздуха громкими словами?

При общении с подростками эта тема приобретает и еще одну сложность: им и так на каждом углу говорят о том, что они всем мешают, плохо себя ведут и в целом невыносимы. Мы задумались о том, чем именно мы можем помочь участникам этой встречи, и поняли, что вечер может стать и для нас и для них возможностью вынести наружу что-то, что тяготит, что мешает двигаться вперед, передать это Богу и ощутить возможность прощения.

Не буду описывать в подробностях эту довольно интимную встречу. Позволю себе лишь вспомнить бумажные покаянные кораблики со свечками, которые уплывали от нас вдаль в ночь по реке Тьма.

За координацию одного из самых запоминающихся и трудных по организации пятого дня его тема — «Война» — взялись Маша и Полина. Как возникла эта тема, я уже не помню. Но в чем-то это был такой же вызов для нас, как и тема покаяния. Так случилось, что вся военно-патриотическая риторика в Церкви и обществе у нас отдана на откуп «правому» крылу, тогда как либеральная церковная молодежь, среди которой молодые люди в основном избежали службы в вооруженных силах

благодаря поступлению в ВУЗы, традиционно сосредоточена на обсуждении таких «интеллигентных» вопросов как толерантность, общение с инославными и возможность молитвы своими словами. Но неужели нам нечего сказать о войне, мужестве и благодетельстве?

В первой половине дня прошла общелагерьная игра «Зарница». Специально для нее Маша раздобыла на складе одного из московских театров военную форму для ведущих. Задействованы были все: кто-то был медсестрой, кто-то дипломатом, кто-то разведчиком. От участников требовались и выносливость, и смекалка. Несмотря на небольшую путаницу в правилах, в целом игра имела огромный успех. По просьбам участников было принято решение Зарницу в следующем году постараться повторить.

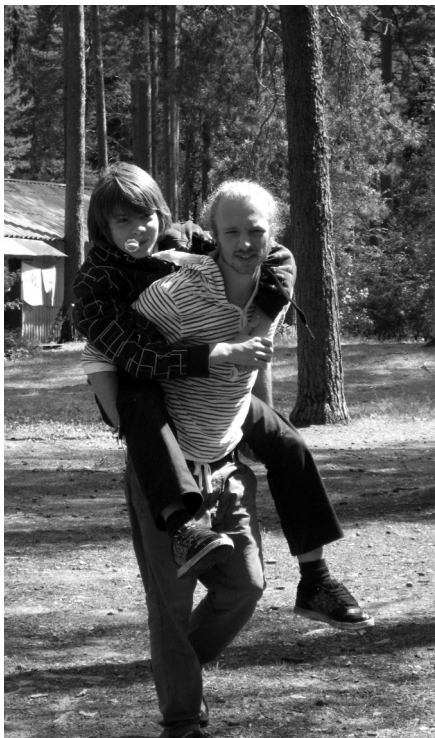
После обеда говорили про Вторую мировую, читали подлинные письма с фронта родным, слушали записанные на видео заранее воспоминания ветеранов. Встреча получилась очень пронзительная и подлинная. Тот редкий случай, когда в пафосе и торжественности не было ни капли фальши. Огромное спасибо Маше, Полине, Коле, Зурабу, Игорю, Владу и Лизе за этот замечательный день.

После ужина мы попытались воспроизвести атмосферу пятидесятых и организовали «Ретро-вечер». Девушки сняли военную форму и переоделись в потрясающие платья в послевоенном стиле. Танцы (танго, фокстрот) и концерт прошли очень трогательно. В ларьке «Соки, воды» за специальные талоны можно было приобрести напитки и мороженое. Перед сном запустили на поляне салют в честь победы, попробовав представить чувства людей в мае 45-го...

В шестой день утром мы читали Евангелие и говорили о том, что в разных ситуациях Иисус оказывается очень разным. На группах обсуждали нашу веру в Бога и говорили, что каждому Бог открывается как-то по-своему.

Вечером этого дня состоялось центральное развлекательное мероприятие лагеря — кинофестиваль. До этого в течение нескольких дней ребята снимали свои короткометражные фильмы. Каждому отряду была выдана фраза, кратко описывающая канву, но составить сценарий, придумать декорации и костюмы, отрежиссировать сцены должны были уже сами участники. У жюри было много номинаций, поэтому выйти на сцену для награждения смогли все съемочные группы. Здесь мне бы хотелось сказать отдельное спасибо всей технической бригаде (Игорь, Влад, Коля, Лиза, Маша). За несколько часов до просмотра наш актовый зал представлял собой целую

киностудию — на четырех компьютерах шла кропотливая работа по монтажу и озвучиванию кинолент. Отличные заставки для церемонии вручения призов заготовил в Москве Влад, а все ведущие заранее выбрали себе известных актеров и актрис в качестве прототипов и тщательно продумали свои образы. Так мы смогли практически в живую

пообщаться и сфотографироваться с Пьером Ришаром, Одри Тату, Одри Хепберн, Николасом Кейджем и со многими другими знаменитостями. В конце церемонии Влад поразил нас потрясающе артистичным исполнением песен группы Queen. Очень приятно, что наш бывший участник, а теперь ведущая Ася взялась за придумывание и проведение этой ответственной церемонии. Очень хочу поблагодарить за этот праздник Женю, Наташу, Олю, Зураба и всех кинозвезд.

Незадолго до фестиваля (как все в жизни трудно перемешано) в лагерь пришла новость о беде. Как писать здесь об этом, я не знаю. Но не написать не могу — в рассказ просится хотя бы многооточие, хотя бы какой-то знак паузы. Перед Жениным досрочным отъездом в Москву молились об упокоении ее сестры — рабы Божией Анастасии. И взяв себя в руки, возвращались к праздничному украшению зала и футболу...

Седьмой день выдался относительно спокойным. С утра читали молитву Христа о любви между учениками. В подростковом и молодежном возрасте велико желание обезболиться, обесценив

хорошие, добрые слова и спрятавшись за что-то черное, ужасное, наводящее ужас на «простых обывателей». Неслучайно так популярны в молодежной среде инфернальная символика, изображения черепов, черный цвет, суицидальные сюжеты. Во время евангельского чтения и обсуждения в группе мы предприняли скромную попытку реабилитировать добро, победа которого в этом мире, и правда, подчас совершенно неочевидна. На обсуждении мы спрашивали друг друга, кто что или кого любит, кем или чем действительно дорожит, в чем в нашей жизни проявляется любовь. Также обсуждали сложный вопрос: где в окружающем мире добро оказывается сильнее зла, а где — создается впечатление, что наоборот.

Вечером состоялся третий «серьез». Тема встречи — «Расширение диапазона». С одной стороны мы говорили о чувствительности, восприимчивости, внимании, которое иногда требует усилий. Если по слову Христа держать уши и глаза открытыми — жизнь наполняется красками и смыслом. Если же надеть темные очки и громко включить плеер — велика вероятность того, что пропустишь что-то важное. Были и свидетельства о ложных способах расширения диапазона — о сложных путях выхода из алкогольной и компьютерной зависимости. Были и свидетельства о неожиданном участии Бога в жизни человека. Очень лично и душевно говорили, в том числе, и недавние подростки и новые члены команды: Влад, Илья, Саша. После окончания разговоров все желающие могли остаться в часовне допоздна и сидеть в тишине, петь песни, молиться. Разошлись только после часа ночи.

Заключительный восьмой день родился благодаря усилиям Лены и ее команды. Лена решила получать второе высшее психологическое образование, поэтому нет ничего удивительного в том, что темой этого дня стала «Встреча»! После завтрака Лена с Олей собрали всех участников для чтения отрывка про разговор Христа с Нафанаилом. После этого мы вспоминали важные встречи в нашей жизни. Один из участников вспомнил важный год в своей жизни, когда у него сначала произошла встреча с Господом, а затем с коклюшем и сотрясанием мозга. Хотя вопрос казался скорее встреч с людьми, довольно часто в числе непростых встреч фигурировала музыкальная школа.

В течение дня искали наиболее комфортное место в лагере. После дня Востока участники схватили идею на лету, движения замедлились, и по всему лагерю установилась такая тишина, что показалось, что на базе нет ни души. Затем играли в игры на взаимодействие и определение

дистанции. В группах лепили друг из друга «статуи любви» и говорили о способах ее выражения. Вместе с Леной день приготовили и провели наш последний тематический день прекрасные Лёша, Влад, Маша, Оля, Наташа, Оля и Саша.

Вечером прошел традиционный для лагеря концерт «шоу талантов». В этом году концертные номера перемежались танцами — опыт показал, что это оптимальный формат. Интересно было и тем, кто хотел активно танцевать, и тем, кто хотел реализоваться на сцене. Номера тоже были самые разные — и смешные сценки, и вполне серьезные стихи и песни.

Несмотря на то, что программа сильно затянулась, отменить костер было как-то неправильно. На костре помимо песен и разговоров было и «файр-шоу»: Илья, Света и Ксюша показали огненное представление. Отбой снова был объявлен далеко за полночь.

Утро последнего дня наступило очень быстро. Расставаться не хотелось, прощальные группы и общая встреча заканчивали с огромным трудом. Собирались уже впопыхах под гневные гудки приехавших за нами микроавтобусов. Впереди была электричка, встреча с домом, родители и необходимость перестраиваться на новый формат жизни. Чем-то напоминающий старый, того, что был до лагеря, но в чем-то уже другой. Лагерь — это такое путешествие, из которого мы все возвращаемся немного изменившимися...

...С каждым лагерем все менее понятно, что о нем писать. А еще с каждым лагерем все сложнее придумать ему имя. Проходит еще один год, и лагерь становится все более органичной частью жизни. Просто жизни. И для этого трудно придумать какие-то дополнительные названия.

После лагеря прошло уже два месяца. Может быть, это прозвучит странно, но у меня до сих пор самое сильное чувство — это удивление. Удивляюсь я, казалось бы, логически объяснимым вещам, но не удивляться почему-то не могу.

Я удивляюсь и восхищаюсь теми участниками команды, с кем мы когда-то познакомились еще как с участниками лагеря: Асей, Владом, Даней, Ильей, Лизой, а также Машей, Ксюшей и Тимой. Я как-то по-новому ощутил, как вы выросли. Слова какие-то пафосные, но я все-таки напишу: вы очень смелые, самостоятельные, талантливые и живые.

Я удивляюсь и восхищаюсь теми, кто присоединился к команде вожатых сравнительно недавно: Олей, Лешей, Олей, Настей, Зурабом, Настей и Колей. Понимаю, что быстро найти место в сложившейся команде иногда непросто. Я очень благодарен вам за смелость,

теплоту и гибкость. Вы — большие молодцы.

Странно, ведь мы уже столько лет вместе, но я все никак не могу привыкнуть к тому, как мне хорошо и надежно с нашими «стариками», моими старыми боевыми товарищами: Женей, Леной, Наташей, Игорем, Полиной, Мариной и Машей. Я хорошо чувствовал: за что бы вы ни брались, я могу быть за этот участок спокойным. Взаимная страховка и понимание с полуслова — то, что придает нашему совместному плаванию устойчивость и хорошую инерцию. Но дело, конечно, не только в этом. Мы все — свидетели важных событий и глубоких процессов друг у друга. И уже не раз в дни неизбежных в этой жизни разочарований Бог давал мне новый повод очароваться жизнью через вас.

Отдельно хочу поблагодарить специально приехавших к нам издалека Риту и Люду, а также нашего «штатного

волшебника» Сергея, который не смог поехать в лагерь, но участвовал в подготовках. Разумеется, отца Александра Борисова и Сашу Кремлева за поддержку и возможность осуществить наш трудоемкий приходской проект.

И конечно я поражен участниками лагеря: и своей младшей группой, и 13–14 летними, и старшими. Удивили все. Новенькие — новизной и непосредственностью. Старенькие — тем, как выросли и изменились. Мы все многое отдали, но так же много и получили. Спасибо вам за то, что приняли участие в нашем совместном путешествии. Помню, что было хорошо. И еще помню, было грустно, что уже закончилось...

До новых встреч!

Петр ДМИТРИЕВСКИЙ,
Директор лагеря.

КАТЕХИЗАЦИЯ НОВЫЙ ЦИКЛ

1-е занятие в четверг 25 сентября в 18-30

ЛЕКЦИИ ЧИТАЕТ ПРОТ. АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

Семинарские занятия в группах (чередуются с лекциями) проводят прихожане храма, имеющие многолетний опыт катехизации.

Приглашаются все желающие подготовиться к принятию Таинства Св. Крещения, а также ранее крещенные, но желающие более глубокого понимания жизни Церкви и участия в ней.

Занятия будут проводиться 1 раз в неделю, по четвергам в 18-30.

Расскажите об этом Вашим родным, друзьям и знакомым!

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

Первая встреча воскресной школы с участием настоятеля храма, прот. Александра Борисова

Воскресенье, 12 октября в 13:00 в Северном приделе храма.

ПРАВОСЛАВНАЯ СВЯТАЯ ГЛАЗАМИ НЕВЕРУЮЩЕЙ ДЕВОЧКИ

В Москве в середине августа 2008 г. побывала французская писательница Доминик Десанти. 14 и 15 августа состоялся ряд встреч с ней в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье», в Доме-музее Марины Цветаевой и в культурном центре «Покровские ворота». Она представляла свою книгу о матери Марии. Доминик Десанти (род. 1928) — филолог и лингвист — в своей новой книге «Неверующая о верующей» рассказывает об опыте встреч с кругом матери Марии (Скобцовой) и размышляет о месте веры в жизни современного человека. Доминик Десанти лично знала мать Марию и неоднократно бывала в общежитии на рю Лурмель. Эту книгу перевела на русский Татьяна Емельянова-Викторова, которая сейчас живет в Париже, но несколько лет назад, учась в аспирантуре МГУ, была нашей прихожанкой — многие ее хорошо помнят. Татьяна сопровождала Доминик Десанти в Россию и помогла ей представлять свою книгу на всех вечерах.

Известная французская писательница Доминик Десанти представила в Москве свою новую книгу, посвященную преподобномученице Марии (Скобцовой) (1891–1945). В книге «Святая и неверующая: встречи с матерью Марией» собраны воспоминания автора о многочисленных встречах с матерью Марией на рубеже 30–40-х гг., о доме на улице Лурмель в Париже, о дружбе автора с дочерью матери Марии Гаяной, документы и свидетельства о русской эмиграции во Франции.

Доминик Десанти — дочь русского эмигранта С. Перского, историк, журналист, автор десятков романов и художественных биографий. Она рассказала, что идея написать книгу о матери Марии возникла сразу после известия о ее гибели в концлагере Равенсбрюк в конце марта 1945 г., однако закончить книгу удалось только в 2004 г., когда мать Мария была причислена Константинопольским патриархатом к лику святых.

«Я неверующая» — представляет Доминик Десанти и настаивает на таком самоопределении, так как ей важно донести до читателей мысль о том, что «духовная сила этой женщины [матери Марии] забываема даже для неверующего». «Я, неверующая, всю жизнь называла ее «моя святая». Невозможно забыть ощущение, что ее глаза проникают в самую душу. Я часто просила у нее, у монахини, совета, и когда она говорила: «Это Вы сможете», появлялись новые силы», — вспоминала писательница.

Д. Десанти поделилась также воспоминаниями о том, как проходили воскресные встречи в доме на Лурмель, где мать Мария в конце 30-х гг. основала общежитие для обедневших русских эмигрантов, а также столовую, где ежедневно она кормила 100–120 человек. Кстати, писательница хорошо запомнила, как во время первого посещения Лурмель ее удивило: зачем монахине собираться в 5 часов утра на Централь-

ный рынок Парижа с тележкой? Тогда она еще не знала о том, что мать Мария ежедневно сама покупает продукты, когда они наиболее дешевы, а зачастую — принимает ее от торговцев как пожертвование, чтобы накормить своих подопечных.

И в книге, и в разговоре с москвичами Д. Десанти удалось живо передать особую атмосферу воскресных вечеров дома на Лурмель, который был не только пристанищем для обездоленных, но и центром притяжения интеллектуальных и духовных сил русской эмиграции в Париже. Так, по словам автора книги, темы для диспутов часто задавал Н. И. Бердяев; собравшиеся говорили о философии, богословии, политике. Например, рассказчица помнит, как в один из вечеров Бердяев предложил составить письмо протеста в адрес митрополита Сергия (Страгородского), который, как считал философ, сотрудничает с советской властью. По словам Д. Десанти, ему горячо возражали о. Лев Жилле (бывший католический монах, ставший православным священником) и Илья Фондаминский (который также был канонизирован в одно время с матерью Марией).

Как сообщила переводчик, специалист по творчеству матери Марии, секретарь редакции «Вестника РХД» Татьяна Викторова (Париж), книга Д. Десанти вскоре будет переведена и издана на русском языке. Когда это произойдет, русскоязычные читатели узнают и о встречах в родительском доме Д. Десанти с такими историческими личностями, как П. Милюков, А. Керенский; о единстве и противоречиях в среде русской эмиграции в Париже; об участии писательницы во французском движении Сопротивления; о ее знакомстве с французскими знаменитыми интеллектуалами и, в частности, с Ж. - П. Сартром и С. Де Бовуар. К слову, выступая на вечере в Москве, Д. Десанти привела неожиданное срав-

нение двух личностей, оказавших на нее серьезное влияние: матери Марии и Сартра. По словам писательницы, они были «противоположны во всем», однако их позволяет поставить в один ряд необыкновенно «доброжелательный подход к людям». Но у Сартра эта доброжелательность сочеталась с «пессимистическим взглядом на человека», «он не верил в грех» и считал, что «нельзя простить врагам». Мать Мария, напротив, утверждала, что «все можно простить, если человек раскается» и «надеялась на это раскаяние».

По словам Т. Викторовой, книга Д. Десанти о матери Марии является «новым оригинальным свидетельством, которое показывает святую с неизвестной стороны». Переводчица сообщила, что в русское издание войдут публикации новых документов, в частности, писем Гаяны из СССР, которые мать Мария зачитывала вслух на воскресных встречах, а также не публиковавшиеся ранее фотографии. Книга будет снабжена пояснениями и комментариями, необходимыми для русского читателя.

Справка (по материалам «Благовест-инфо»). Монахиня Мария (в миру Елизавета Юрьевна Скобцова, урожденная Пиленко, в первом замужестве — Кузьмина-Караваева) родилась 8 (21) декабря 1891 г. в Риге. Первая женщина, окончившая Санкт-Петербургскую духовную академию (заочно). До революции была членом партии эсеров, в 1917 г. — городской головой г. Анапы. Эмигрировала в 1921 г., поселилась в Париже. Приняла монашество в 1932 г. Мать Мария была избрана местным секретарем Русского студенческого христианского движения (РСХД) во Франции по работе во французской провинции, а затем (с 1933 года) секретарем Центрального секретариата РСХД по миссионерской и социальной работе. Позднее она основала благотворительную и культурно-просветительную организацию помощи русским эмигрантам «Православное дело», а также общежитие для обедневших русских эмигрантов на ул. Лурмель в Париже. В 1943 г. арестована фашистами за работу в Сопротивлении и укрывательство евреев. Погибла 30 (или 31) марта 1945 года в концентрационном лагере Равенсбрюк.

16 января 2004 г. Священный Синод Константинопольского патриархата, по представлению Западноевропейской архиепископии приходов русской традиции в Париже, причислил к лику святых пятерых подвижников, окончивших свой жизненный путь в 30–40-е годы XX века, в числе которых была и преподобномученица Мария (Скобцова), а также ее сын, иподиакон Георгий (Скобцов).

Юлия Зайцева
Благовест-инфо

НУЖНЫ ЛИ ПАМЯТНИКИ СВЯТЫМ?

В редакцию газеты поступил вопрос от нашей прихожанки: канонична ли скульптура с точки зрения Православной церкви? Так, например, на Славянской площади стоит памятник свв. Кириллу и Мефодию, или в Марфо-Мариинской обители — скульптура св. Елизаветы Федоровны. А в некоторых местах появляются скульптурные изображения Богородицы. Соответствуют ли они православной традиции? Ответить на этот вопрос мы попросили искусствоведа Ирину Языкову.

Вопрос о скульптуре в православной традиции непростой. Развитие церковного искусства на Востоке имело свою определенную логику. Оно выросло на почве античной культуры, в которой статуи были широко распространены, потому что красота человеческого тела считалась эталоном совершенства и верхом природной красоты. «Человек — мера всех вещей», — провозглашали античные философы, понимая под этим не столько разум и душу человека, сколько его тело. «В здоровом теле — здоровый дух», — мы все хорошо помним это кредо античного человека, здесь тело было главным, а духовное и душевное — вторичным. В христианстве, стоящем на фундаменте библейского откровения, человек есть единство духа, души и тела. Причем дух первичен, а телу отводится роль вместилища, сосуда. Это не значит, что тело — греховно, напротив, апостол Павел напоминал христианам: «Разве вы не знаете, что вы — храмы живущего в вас духа». Но тело становится храмом только благодаря духу, который дает человеку Бог, и физическое тело рано или поздно должно уступить место телу духовному: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное», — говорит Павел. Исходя из этого, христианское искусство не могло прославлять тело как таковое. Но чужда ему не телесность, а плотскость. Бестелесный дух тоже не есть человек. «Душе грешно без тела, как телу без сорочки», — скажет поэт Арсений Тарковский. В христианском искусстве произошел отказ от круглой скульптуры, в обиходе остался только плоский рельеф, поскольку он менее подчеркивает плотское начало. Но всем видам пластики христиане предпочли изображение на плоскости красками — икону, которая передает внутреннее содержание человека — дух, душу, а тело изображает условно. Христианское искусство, уходя от

иллюзорного, натуралистического античного портрета, пришло к плоскостному символическому образу — иконе.

Тем не менее, в раннем христианстве встречались скульптурные изображения. Евсевий Кесарийский, историк IV в., упоминает о статуе Христа, воздвигнутой в городе Панаде кровотоливой женой, известной нам из Евангелия (см. Мф. 9, 20–23; Мк. 5, 24–34; Лк. 8, 4–48). Он пишет: «Говорили, что статуя эта воспроизводит подобие Иисуса; она сохранилась до наших дней, и ее видели те, кто были в этом городе». Есть также известия о скульптурах апостолов Петра и Павла. Хорошо известно скульптурное изображение Христа — Доброго пастыря.

И все же христианам скульптура напоминала о языческих идолах, и потому со временем христианское искусство на Востоке отказалось от скульптуры вообще. Русь, крестившись, восприняла от Византии вместе с верой богатейшее наследие христианской культуры. Для русских, как когда-то для первых христиан, скульптура ассоциировалась, прежде всего, с язычеством. «Повесть временных лет» описывает, как киевляне, приняв крещение, скидывали изваяние Перуна в Днепр. Было бы странно, если бы свергнув идола, на его месте они воздвигли другое изваяние, хотя бы и дав ему имя Христа. Икона, как окно в иной мир, нематериальный, духовный, для земного человека умоглядный, а не осязаемый, была более органичной для христиан. С первых же десятилетий христианства на Руси мы видим расцвет иконописи, мозаичного и фрескового искусства.

Тем не менее, сегодня в Киеве, на берегу Днепра, на том самом месте, где когда-то Владимир крестил киевлян, стоит памятник — каменное изваяние князя с крестом. Понятно, что не в традициях Православия относится к этому изображению

как к иконе или моленному образу, мы его воспринимаем просто как памятный знак, как свидетельство важного исторического события — крещения Руси.

Надо сказать, что традиция ставить памятники святым для России достаточная новая. Пришла она с Запада, в XVIII–XIX в., в период господства барокко и классицизма — стилей, возрождающих традиции античной классики, в том числе и скульптуры. Так, например, Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге украшают снаружи и внутри скульптуры Христа, апостолов, святых. На храме Христа Спасителя мы тоже видим скульптурные рельефы с почти круглой пластикой.

Скульптура получила большое распространение на Западе, где христианское искусство развивалось иначе, чем на Востоке. В V–VI вв. на Римскую империю обрушились варвары — гунны, готы, аланы, германские племена. Они разрушили античную культуру, а когда на ее обломках стали строить свою культуру, то за образец взяли именно греко-римскую античность. Ко времени нашествия варваров Римская империя разделилась на две части — Западную со столицей в Риме и Восточную со столицей в Константинополе (эту последнюю мы называем Византией). Восточная Римская империя смогла поставить заслон варварам, и они почти не причинили ей разрушения. Византийская культура, не испытывавшая разрушения, не испытывала и ностальгии по античной красоте. Напротив, красота тела преобразилась здесь в красоту духа. И потому православная икона всегда показывает приоритет духовности над телесностью.

На Западе же варвары, приняв христианство, а вместе с ним и остатки античной культуры и образцованности, постоянно пытались возродить величие Рима. Они двигались от искусства примитивного к более сложным формам, уже в каролингский (VIII–IX вв.) и романский периоды (X–XI вв.) в западных храмах появляются статуи святых, к которым верующие относились как к моленному образу. На Западе много статуй прославились как

чудотворные, мироточивые и кровоточивые. В готический период (XII–XIV вв.) искусство скульптуры достигает невероятного мастерства и совершенства, вместе с тем телесная красота в нем еще не превалирует. Напротив, готические мастера нередко гипертрофируют человеческое тело, чтобы показать его одухотворенность. Яркий пример — изображения Христа. Готические распятия с изуродованным муками и агонией телом и нарисованными красной краской пятнами крови на ранах должны были потрясти воображение молящегося, сокрушить его сердце, привести к покаянию.

На Востоке никогда к таким средствам не прибегали, стараясь уйти от аффектации, возбужденного воображения, страстности. Восточные люди, в том числе и славяне, и так чувствительны и возбуждаемы, образ должен их умиротворять и гармонизировать. На средневековом Западе люди были грубы и просты, им нужно было потрясение, чтобы они поняли, что претерпел Господь за каждого из нас.

Эпоха Возрождения знала великолепных скульпторов, первым из них по праву считается Микеланджело Буонаротти. Его скульптуры совершенны и величественны. Но вершиной скульптурного искусства считается барокко — стиль, возникший в XVI в., когда культура Европы не только перестала быть варварской, но стала утонченной, рафинированной, интеллектуальной. Европейцев уже в зрелом средневековье нельзя считать варварами — они достигли невероятных духовных вершин в архитектуре готических соборов (хотя по иронии судьбы название стиля происходит от названия варваров — «готы»), и в философии схоластики, соединяющей античную логику и парадоксальность Евангелия. Но гуманисты Ренессанса мечтали возродить античную культуру во всей полноте, взойти на Олимп и уравнивать Платона и Христа.

И чем больше античное наследие возрождалось в культуре, тем более в ней проявлялись противоречия между христианским и языческим, что, в конце концов, привело к взрыву Реформации. В XVI в. европейский мир раскололся на протестантов и католиков. Протестанты с иконоборческим пафосом выбрасывали из своих церквей иконы, картины, скульптуры, следуя лозунгу Лютера: «Soli

Scriptura!» («Только Писание!»). А в католических странах, напротив, под девизом «Soli Dei Gloria!» («Все для славы Божьей!») храмы наполнялись живописью, скульптурой, музыкой, театральностью и проч., что должно было наглядно демонстрировать величие Божьего духа. Так возник стиль барокко (от слова «причудливый, изощренный»). Барочные статуи не только изображают телесную красоту, но и пытаются изобразить духовное состояние человека, причем в момент молитвенного экстаза, когда душа соприкасается с божественной реальностью и восхищается в иной мир. Складки одежд святых развеваются, жестикуляция энергичная, позы и ракурсы неожиданные, глаза возведены к небесам и т.д. Это уже не наивная попытка достучаться до грубого сердца, а активное вовлечение зрителя в экстатическое состояние, психическая атака на него.

Нет ничего более далекого от православного понимания образа, чем барочная скульптура, тем не менее, в кон. XVII — нач. XVIII вв. она приходит в Россию. В храмах появляются скульптурные изображения Распятия с натуралистическим изображением мук Спасителя: гримаса боли на Его лице, капли крови, стекающие из-под тернового венца, вывернутые суставы. Предстоящие Богоматерь и Иоанн Богослов изображаются в театральных позах, с воздетыми к Кресту руками, с возведенными к небу глазами, складки их одежд развеваются, как на сильном ветру. В это же время получает распространение образ «Христос в темнице», изображающий сидящего Спасителя в терновом венце с рукой подпирающей щеку в знак страдания. Считается, что это традиция северная, обычно ее выводят из Перми. Возможно, древние, еще дохристианские традиции Пермского края повлияли на появление такой скульптуры. Но происхождение ее западное, известно, что одну из таких статуй Петр привез из Европы. Образ страдающего Христа он подарил в Рязань, но были такие и в Петербурге и Москве, в других городах.

Конечно, говоря о скульптурных изображениях, нельзя не вспомнить древнерусские образы свт. Николая Мирликийского, известные у нас в изводах «Никола Зарайский» и «Никола Можайский» (первый изображается с Евангелием, вторым

— с мечом и храмом). Такие изображения известны с XV–XVI вв. Это, конечно, не круглая скульптура, а деревянный раскрашенный рельеф, приближенный к иконе. Появление этих образов связано с почитанием скульптуры свт. Николая Барийского (Бари — город в Италии, где покоятся мощи свт. Николая). Связи Руси с Италией активизируются во второй половине XV в., после хождения русских на Флорентийский собор (1438–1439 гг.), итальянские зодчие приезжают работать в Россию (они отстраивают Московский Кремль и его соборы), а русские люди посещают святые места в Италии, в том числе и Бари. И поскольку любовь православных к свт. Николаю велика, то копии статуи в Бари появляются и в России, но не в виде круглой скульптуры, а в виде рельефа.

В XV–XVI вв. были распространены также резные изображения св. Варвары, св. Георгия и других святых. Известны рельефные иконы Божьей Матери, например, образ Влахернской. Мы даже знаем имя прославленного мастера таких резных образов — Ермолин, его образы украшали Спасскую башню Московского Кремля. Имели хождение и резные каменные иконки и литые образки и складни. В XVIII–XIX вв. популярность приобрели резные фигуры св. Нила Столобенского. Но эти скульптуры стремились к иконной плоскости, они не подчеркивали телесность, но через пластику выявляли дух. И нельзя сказать, что это была широко распространенная традиция, все же более привычной для русского православного человека оставалась писаная икона. Так было вплоть до XX в. Даже в Синодальный период, когда западные художественные стили господствовали в церковном искусстве, скульптура имела очень ограниченное распространение.

В постсоветский период церковная культура интенсивно возрождается, восстанавливаются храмы, возвращаются святые, причисляются к лику святых подвижники и мученики. И сегодня мы видим ставшее едва ли не массовым явление — памятники святым появляются во многих городах России. Одним из инициаторов этого процесса еще в поздние советские годы стал скульптор Вячеслав Клыков. Его работы — свв. Кирилл и Мефодий на Славянской площади в Москве, св. вмч. Елизавета Федоровна в

Марфо-Мариинской обители, памятник преп. Сергию в Радонеже, памятник княгине Ольге в Пскове и др. Убежденный националист и защитник всего русского и славянского, Клыков в своем искусстве следовал западной католической традиции, не отдавая отчет в том, что внедряет в России неправославное отношение к образу.

Сама по себе традиция ставить памятники великим людям неплоха. Еще в древнем Риме ставили статуи императорам-победителям или философам. В России эту традицию активно поощряла Екатерина II, воздвигнув памятник Петру, знаменитый «Медный всадник». В Москве был поставлен памятник Минину и Пожарскому, созданный скульптором И. Мартосом после войны 1812 г. в память об освобождении Москвы в 1612 г. Можно вспомнить памятник тысячелетия России в Новгороде и памятники Пушкину в Москве. И в других городах есть множество памятников замечательным людям. Это знаки исторической памяти, и они напоминают потомкам о славе и величии предков.

Но как быть со святыми? Нуждаются ли они в таком прославлении? Безусловно, святые тоже были историческими личностями, и в этом смысле очень важно, чтобы память о них выходила за церковную ограду. Памятник святому, стоящий на площади города или в центре парка, может быть, привлечет к себе внимание и напомнит «Иванам, не помнящим родства», кто они. Но здесь важно не переборщить, не сделать из святого наглядную агитацию. В первые годы советской власти по приказу вождя пролетариата был разработан «План монументальной пропаганды», к которому привлекались все художники, а особенно скульпторы. По этому плану во всех городах на улицах и площадях следовало ставить памятники вождям революции, был разработан целый список: Маркс, Энгельс, Робеспьер, Дантон, Герцен, местные герои и проч. В первое десятилетие после революции страну наводнили такими памятниками. Хорошо, что время было бедное, нормальных материалов не хватало, скульпторам приходилось работать не с камнем и бронзой, а с гипсом. Такие изваяния через несколько лет под дождем и снегом разрушались. Кончилось это тем, что более всего и самых прочных памятников было пос-

тавлено Ленину, а позже Сталину. И от большинства этих изваяний мы не можем освободиться по сей день. Когда беспристрастно смотришь на наше время и активность по насаждению православных памятников, невольно вспоминаешь ленинский «План монументальной пропаганды».

Воспитательное значение искусства велико. Скульптура как вид искусства наиболее телесно осязаемый, иллюзорный, как правило, возникал именно там, где нечто декларировалось, где нужно было обозначить незыблемость принципов: варварам показать наглядно раны Христа, а рациональному уму явить чудо. Следует признать, что сегодня наша страна находится в состоянии близком к варварскому, и чтобы пробиться к закрытому и черствому сердцу, к не просвещенному верой разуму, видимо, нужны сильнодействующие средства — наглядность и доходчивость образа, сходство его с окружающей действительностью, внешняя красота, возвышенный пафос.

Но все же эти принципы противоположны иконным, они хороши для светского искусства. И не стоит смешивать эти принципы, делать из них нечто усредненное, чтобы «и миру, и клиру». В православном храме скульптура неуместна, она чужда ему по духу, хотя рельефные изображения вполне могут быть там. Напротив, в городской среде круглая скульптура воспринимается нормально, она работает в пространстве, а икона или плоский рельеф потеряются, ибо они «не от мира сего». Попытки вывешивать баннеры с иконными образами на фасадах домов доказали, что моленный образ сразу воспринимается как реклама, а это граничит с кощунством. Художникам, работающим с церковными темами и образами, нужно быть предельно осторожными: образ должен соответствовать месту и времени, своему назначению и раскрывать иную реальность. И уж совсем странно видеть, как памятники освящают (впрочем, сегодня освящают все: атомные станции и болистические ракеты, редакции светских газет и нефтескважины и т.д.). Надо помнить, что, памятник святому может стать памятником нашей глупости и нашего невежества, поскольку Бог поругаем не бывает, а святые ждут молитвенной памяти, а не площадной славы.

Антон рванул дверь кабинета начальника ремонтно-механической мастерской. Не обращая внимания на то, что кабинет полон — шла ежедневная планерка, — подошел к столу начальника, прямо по лежащим документам стукнул увесистым, хотя и компактным свертком, каким-то чужим голосом буркнул «задание выполнено», обвел всех мутным взглядом, подошел к сейфу в углу и сел. Помостился поудобнее, затих...

Мастера, бригадиры, нормировщица Настя, снабженица Клава и другие, сидевшие в кабинете, стали оглядываться, шушукаться. Начальник постучал торцом карандаша по оргстеклу стола, заминка успокоилась.

Антон — мастер моторного участка. Молодой специалист. Полгода, как приехал из Москвы, закончив без отличия, но с нестыдным результатом, институт.

Его мама, Ирина Антоновна, — детский художник-иллюстратор, из тех, чью работу издавала высматривают по обложке, чьи книжки в магазинах не залеживаются. И самое ее рисунки любили, и знали: она берется не за все, что попало. От мамы Антоша унаследовал любовь и вкус ко всем видам искусства, включая танцы, и отличное владение карандашом. Явные музыкальные слух и память — не пропустив ни одной ноты, высвистывал, бывало, третью часть «Лунной» Бетховена или одну из симфоний Прокофьева (номер ее, впрочем, иногда путая) — он унаследовал от отца, которого никогда не видел. Тот погиб в автомобильной катастрофе за два месяца до рождения сына. Мама так надеялась, что ее Тошенька непременно станет знаменитым. Но пока выбирала, в каком именно виде искусства, Антон влюбился — в автомобиль. Это все отчим, папа-Ваня, за которого Ирина Антоновна вышла замуж довольно скоро после рождения сына — знакомы с детства. Иван работал, точнее, жил, водителем, автослесарем, регулировщиком. Автомобильным Айболитом, короче. А место приложения этой его главной любви — гараж мебельной фабрики, директора которой он возил. Руки у Ивана — умные до всякой работы, так что на фабрике, само собой получилось, — и столарке наловчился, и другим смежным ремеслам. Да и глава семьи, какой надо: не скандальный, заботливый, дом блюдет в порядке. Хотя, как это свойственно подобным натурам, скупился на внешнее проявление нежности, не ощущать ее было — невозможно. С Антоном дружил с малолетства. Мальчишка чувствовал, тянулся к отчиму (Иван в самом

раннем детстве, Антон еще говорить не умел толком, объяснил, что он не совсем его отец, но Антоша — совсем его сын, а позже само собой узналось, что и как) и уже к третьему классу уверенно водил, сидя на жесткой подушке, «Москвича», «Волгу»; потом научился на слух определять, что стучит: клапана или подшипники; освоил, как установить зажигание, промыть-продуть карбюр-

двумя бутылками. Пришли еще трое. Разлили. Камшалов пододвинул стакан. Антон удивился — это что? Ты что, совсем...? Давай, пей, че уставился? Это — водка? А что же еще? — давай, а то стаканув дифсит.

...Запой у Ивана случались редко, иной год даже обходилось без них, и все, включая самого, начинали робко

— Ладно, там, начальнику! Скажи своему армяшке, — сказал он. Разве нет?

— Ну да...

— Так скажи.

— Чтобы Вы попонятливее кого присылали.

— Кто ж думал, что так приспичит? Кузьмич, сам знаешь, на неделю на огороды, а больше — нйкого. Не Клавдию же с ее пятимесячным пузом. Такие грузы

ДРУГОЙ РАССКАЗ

Георгию Колосову и другим другим.

ратор, свечи, фильтры поменять. И в институт пошел по этой линии.

Ребенка Антоновы родители не заводили: Иван был в четвертом поколении алкоголиком...

...Ой, как темно в окнах! Дождик, что ли, будет?

— Вечер наступил. Солнце за сопки спряталось. Три часа, как рабочий день кончился... Ну, рассказывай...

— Что тут рассказывать, Степан Арутюнович?..

— Все.

— Значит вот... Приехал я к ним на базу. Сразу к этому, кому Вы звонили.

— К Володе Камшалову.

— Да, к нему. Не сразу нашел. Там у них заплутаешься...

— Ты — не отвлекайся.

— Простите. Значит, он мне говорит, мол, не ко времени дела делать ты пришел, у нас как раз обед вот-вот будет. Вот. Ну, я, значит, говорю, мол, я пойду, прогуляюсь.

— Антон, не тяни резину. Москвич, мама интеллигентная, а говоришь, как...

— Простите. Тот Володя мне — зачем так? С нами и похарчишься. Как раз человека посылаем. Давай рубль¹. Я достану три рубля, он мне — два сдачи, те отдает длинному такому, белокрысому.

— Толику.

— Да, наверно. А этот, Владимир Камшалов, стал меня расспрашивать, кто я, да что я, да как в порт попал. Как узнал, что я из Москвы — ни... это, ни фига себе, говорит, через всю страну, это... ехал. Мне, Степан Арутюнович, его слова на ходу редактировать приходится...

Вскоре и Анатолий — вошел, звякнул

надеяться. Потом вдруг, ни с того ни с сего, срабатывало какое-то реле. День-два он держался, но лицо его темнело, вздувалось желваками, брови опускались на глаза. Ирина, уже зная, что к чему, с сыном на неделю-полторы, пока муж не позвонит, переселялась к подруге. Один раз не успели, — Антоша прихворнул, сборы в бега затянулись...

Разор Иван устранил сам. Укладывался в те же неделю-полторы. Директор фабрики и не пытался что-то делать. Понимал, у человека не распушенность, а наследственность. Для острастки грозился сократить Ивану отпуск за пропущенные дни, но — забывал, по доброте.

Иван как-то сказал сыну, что самый первый раз он выпил водки по поводу призыва в армию. И выпил-то всего ничего, граммов сто. Но эти полстакана тут же открыли генетические шлюзы. И именно тогда Антон — нет, еще не разумом, опыта мало, всем существом понял: пить — ни-ког-да.

...Не-э-э, не буду. Что значит, не будешь? Давай не вы...ся. Я не пью. А-а-а... Тогда другое дело. На тебе твой рубль. Слышь, Толик, проводи мамина пупсика коротким путем, а то я видел, какие он петли закладывал, пока нашел. То из-за одного угла выскочит, то из-за другого. Прощевайте, юноша... А поршни? Какие тебе еще поршня? Как какие?! ГАЗ-51, первый ремонтный размер. ...тебе, а не поршня! Своим, по дружбе, мы их — даем. А иным-прочим — пиши требование, начальник подпишет, печать, мы — накладную и счет. После оплаты через банк, как деньги придут, приходи и бери...

— И вообще, говорит, скажи своему, это, значит, начальнику...

ей негоже, да и шуточки у тех красавцев — портрет на стенке покраснеет. Ладно, дальше...

А дальше было вот что. Антон молча взял стакан, запрокинул голову, широко раскрыл рот и плавной струей перелил содержимое в себя, не замочив ни подбородка, ни, тем более, шеи и рубашки. Как не поперхнулся?..

— Вот, теперь другое дело. А то — не пью. ...ку, понял, из себя строит. Только телеграфный столб не пьет, да и то днем, когда увидят. На, закуси.

— Нет, давайте, за чем я пришел. Мне на планерку надо успеть...

Антон плохо помнил, как шел до автобуса, как ждал, как ехал...

— А ты и впрямь не пьешь?

— Да...

— Совсем-совсем?

— Совсем...

— Давно?

— Никогда не пил. И ничего.

— Ничего?! Ни вина, ни даже пива?

— Ничего.

— Неужто твой первый стакан был?!

— Ну да же!

— Как же ты решился?!

— Так, Степан Арутюнович, у Сидоренки погрузчик — неделя, как стоит, во втором и четвертом цилиндрах днища (поршней) прогорели. А в Сельхозтехнике — или номинал или второй ремонтный. Да Вы сами знаете — всех обзванивали.

— Ну...

— Что, ну? Пришел бы я без поршней. И кем бы я был в Ваших и Сидоренки глазах. Сопляк, мамина чистюля... Но Вы знаете, я теперь, вот, думаю... Если так дело дальше пойдет, мне надо увольняться. Не хочу привыкать, династию алкоголиков, как говорит папа-Ваня, закладывать.

¹ В те времена бутылка водки стоила 3–5 рублей.

(Примеч. автора).

— Не вздумай. Следующий раз, коли предложат, уходи спокойно. Они, чудики, не понимают, какую яму себе копают. К нам в мастерскую — то и дело. У нас — оборудование, как нигде в городе. А наша нужда в них — впервые за 25 лет, что я тут... Да-а-а, история... Знаешь, Антоша, ведь ты просто герой. Хотя и проявилось это, прямо скажем... Медаль за такое не дают, и даже премию. Но — прими мое прям-таки восхищение. А Володеньке Камшалову отольется. Скоро мой полтинник, полгорода придет, в «Пасифик оушене» все залы заказаны. Мне друзья два ящика настоящего «Арарата» с оказией прислали. Как «причем тут гора?». Ах да... Коньяк это наш, армянский, по имени той горы. Я Вовчику дам попробовать, чтобы знал, чего лишается. Все ему объясню. И будет он «сучок» местной нефтеперегонки, чем тебя поил, глотать, пятерней засасывать, месячной нуски носком занюхивать. Будет знать, как невинных растлевать. Тебя хотел позвать, но раз такая оказия...

М-да... Вот смотрю я и тихо на тебя радуюсь. К тебе уже все водители не по разу подходили, консультироваться. И дизелисты с маневрового (тепловоза) и с буксиров. Отходят — рот до ушей, большой палец торчком. Через месяц-другой со всего города народ потянется. И тот же Володенька Камшалов к тебе — на цырлах, кепчонку за сто метров в кулак, и — по имени-отчеству. Большое у тебя будущее, сынок. Начальником механизации порта станешь. Хотя и не пьешь...

Как нудно тянется время, как же быстро оно летит. Прошу извинить за глубокомысленную банальность...

Вечером того дня, когда исполнялись ровно три года, как Антон пришел в порт, его провожали. Домой, в Москву...

...На него нашло какое-то, на него не похожее, ледяное ожесточение. Захотелось уйти именно так, день в день, как кончится предписанный законом срок работы по распределению, хотя никто этого не требовал, и некому это оценить-замечать. Что пришлось на четверг — какая разница?! И проведен был тот последний рабочий день, как всякий иной. С утра планерка. За нею совещание у начальника. Перед обедом прием посетителей. Под конец — обход подведомственных объектов, нужные распоряжения. И мало кто, кроме Погосяна, знал, что завтра в этот час Антон будет уже за полтысячи километров западнее...

За месяц с небольшим до отъезда Антон зашел к Погосяну:

— Слушай, что это ты мне такое принес, понимаешь?

— Заявление...

— Вижу, что заявление. Не слепой...

И вот его провожали. Странными были те проводы. Десятка полтора немолодых мужчин. Молчат. На лицах недоумение. Уезжает... Как мы тут будем без него?..

Поодаль, на скамейке пристанционного сквера, подстелив «ГОРОДСКИЕ ВЕСТИ», на цыпочках — чуть выше среднего роста, ладно сложенная девушка. Выражения серых ее глаз не разобрать...

Антон ожидает начала посадки. Взгляд — поверх голов, на уходящие в распадок между сопками две струны огня проспекта Крашенинникова, который там, вдаль, упирается в Рыжую сопку — любимое Антоново место города.

...Ну, ты, время! Заснуло, что ли, совсем?! Как на вопль: «Помогите!!», на маяке вспыхнул свет. Антон сразу узнал прожектор с портового буксира — сам же и устанавливал его на шаровой опоре там, наверху. Луч взметнулся лихим зигзагом-иероглифом, прошелся низом и — полоснул Антона по глазам. Прощальный привет от Мияги...

Вот и состав. Антон точно рассчитал, где встать, понадобилось лишь повернуться к проводнице, отдать билет. Ни разу не оглянувшись, прошел в вагон. Закинул на свою верхнюю полку рюкзачок с пожитками. Рядом утвердился чемоданчик. Побольше сундучка с перстнем Царь-девицы чемоданчик тот будет, и весом — о-го-го. То, что Антон, не зная исходного значения слова, назвал своим Пятикнижием: Пушкин, Гоголь, Лондон, Стругацкие, Ремарк. Кирпич дневников В. К. Арсеньева. С детства любимый «Конек-горбунок» — мамыны оформление и рисунки, ее фотография. Плоды собственного одиночества: несколько общих тетрадей в клеточку — наблюдения, размышления, попытки прозы... И — больше половины объема, главное богатство: листы ватмана формата А3, — рисунки: карандаш, цветные шариковые ручки, фломастер. Порт, город, окрестности, море, берег. Цветы, из тех, что не в саду растут. Птицы, зверюхи, обитатели океанского мелководья. Портреты едва не всех портовиков от начальника до вахтеров. Довольно верные наброски по памяти — лицо и фигура Риммы. Его портрет, сделанный Мияги...

Окно Антона смотрело на перрон, но он сел у противоположного, чтобы прилежно разглядывать пристанционные пути...

Поезд тронулся, стал набирать скорость, мазнул по темноте красными хвостовыми огнями. Только тогда собравшиеся начали молча расходиться. Римма постояла еще и медленно пошла...

Колеса отстучали окраинным огонькам города, поезд втянулся в ущелье меж отрогами Приморского хребта. Антон вынул из кармана последний номер многотиражки «12 ПРИЧАЛОВ». Отложил. Уже не нужно. В памяти выплыло лицо зрителя маяка японца Мияги. Никто не знал и не интересовался, сколько ему лет, откуда он, как и когда попал в крохотную комнатуху: топчан, столик и два табурета, — им самим оборудованную в цоколе маяка. Мияги хорошо знал русский, но «л» он произносил как «р», а то, какими у него получались остальные звуки нашей речи, кириллицей не передать. В городе относились к нему с сочувствием-покровительством: «Говорит — не разбери-поймешь как. Что возьмешь, с нерусского?..»

Зато рыбаки давно убедились: добычливее сетей Мияги не бывает, а городская детвора — просто обожала его. Японец знал не счесть смешных фокусов, мастерил фантастические штуковины из бумаги; высоко, до потери из вида, запускал змеев, сильно пугавших птиц драконьим страхолудством. А что он тем Антоновым прожектором вытворял — просто о-е-ей... И — главное, дети ему никогда не надоедали, сколько бы их ни набежало, как бы они ни куролесили...

Мияги сам подошел к Антону, когда тот трудился над наброском: вид порта сверху. Никак не ложился на лист куст желтой в цвету акации на переднем плане. Понаблюдав, деликатно попросил фломастер. Положил несколько штрихов.

— О! Это — рисунок... М-м-м... Антон.

— Мияги.

— Простите, не Вас ли я мог видеть в главной роли фильма Хироше Инагаси «Человек-рикша»?

Мияги встопорщил пегие усы улыбкой. Нет, не снимался он нигде и никогда. Просто у русских все японцы на одно лицо. Впрочем, как и русские у них, у японцев.

Антон, с его музыкальным слухом, без труда разобрался в выговоре японца, и они общались вполне свободно. Мияги рассказывал сказки своего народа, Антон — своего. И чаще других звучал и с неизменным удовольствием слушался ершовский шедевр, который Антон знал с детства наизусть и целиком.

Не только любовь к сказкам роднила

их. Они могли просто сидеть рядом и молчать. Мягки молча плел очередную сеть. Антон — молча наблюдал за всяким его движением, а вскоре стал пробовать себя в этом хитром ремесле-искусстве...

В отпуск, который Антон ни разу не отгулял хотя бы до половины, — не выносила долго душа его без порта, — он, можно сказать, переселялся на маяк. В свободные дни японца они брали его парусник и растворялись в свежем прохладном одиночестве. Рыбалка интересовала их лишь на раз-два поесть. То ли дело поймать ветер и — ну, японский парус, даешь Мировой океан!..

Мудрено ли, что именно японец оказался единственным, с кем Антону захотелось повидаться на прощание?

...Всю ночь не спалось. Лишь чуть сквозь занавеску засерело, Антон сдвинул ее. Словно ожидая этого, утреннее окно перечеркнул крест над маковкой церкви. И тут Антон... Стретьего класса его не покидало прозвище «Антоша-попович». Оно же отыскало его уже в первом семестре института. Не к тому ли, что, увидев крест на проплывавшей в окне маковке церковной, Антон, некрещенный и не осознающий себя верующим, по какому-то наитию — щепотью: лоб-плечо-плечо. Его осенило, почему в городе, который он полюбил, в котором прошли — уж точно! — самые-самые три года всей его жизни, он бы все равно не остался. Ведь город без храма Божьего — все равно, что... все равно, что дом без окон, человеческое лицо без улыбки в глазах. Но — откуда в городе, выросшем в советские времена из рыбацкого, десяток хижин, поселения, взяты Божьему храму?..

За полторы недели Антону предстояло пересечь вдоль всю страну, и он, почти не отрываясь, вглядывался в нее с детским удивлением, какая она великая и разная. Через полсуток слева заблестела ширь реки, которую в русских песнях величают Батюшкой. Не успеешь оглянуться, как справа на много часов откроется простор славного моря, тогда еще новорожденно чистого, не оскверненного целлюлозно-бумажными испражнениями. А между ними и далее — изумруд-малахит кедрово-пихтовой необъятности, с вкраплениями кой-где золота берез и кленов. Подразнят слева далекими белыми шлемиками горы, отделяющие нас от великого южного соседа с его великой стеной и еще более великой древней цивилизацией. Прогрохочут колеса по километровым мостам через великие реки. А тут рукой подать и до хребта, разделяющего единый великий материк на два совершенно

непохожих. Ни природой, ни животным миром, ни людьми, их населяющими. Еще чуть-чуть и — сияющие глаза мамы и дружеские объятия папы-Вани...

Колеса бормочут... память мыслеточит... Полная ответственность, ноль опеки, и стал Антон неслабым специалистом. Не сразу скажешь, что в нем вышло вперед: инженер, организатор, учитель. Здорово помогли навыки, в детстве полученные от папы-Вани. Порт рос, множился парк машин для переработки грузов. Гараж с мастерскими преобразованы в единое целое. Погосян возглавил, Антона взял себе главным инженером. Новое оборудование, своя литейка, кузня и — гордость обоих — участок переработки пластмасс — обеспечили своевременный ремонт и обслуживание всей портовой техники. Открыли ПТУ² — готовить водителей, слесарей и иных профессий специалистов. Антон взялся читать курс: «Устройство, ремонт и эксплуатация двигателей внутреннего сгорания различного назначения».

Они сошлись накоротке: ты сынок — ты, батя; Антоша — Арутюныч. Однако, случайно встретив вне порта, Погосян не замечал парня. Зато чуть не каждый, увидев Антона на улице, раскланивался, провожал взглядом. Редко какой водитель проедет мимо, не поприветствовав жестом или гудком. И — никто ни разу не остановил его перекинуться дюжиной-двумя слов. Никто ни разу не постучал в дверь его казенного холостяцкого жилья. Ни одна дверь не открылась перед ним. Если и звонили — только по делу...

Время текло себе и текло, не суля ничего нового. И вот, случилось Антону однажды, уходя домой, прочесть в вестибюле Управления порта объявление об осеннем молодежном бале во Дворце Культуры Моряков. В программе: танцы. Играет портовой оркестр. Антон подумал минуту и — туда. Может быть, в неясной надежде непонятно на что. Пospел вовремя. Только осмотрелся, раздалось: «Прошу наш бал “Золотая осень” считать открытым. По традиции мы начинаем его белым танцем. И, конечно же, это — вальс!». Почти тут же — голос: «Молодой человек, не окажете ли любезность?..» Антон обернулся. Перед ним — чуть выше среднего роста, стройная сероглазая.

— С удовольствием!..

Fortissimo вступления несколько с-riano-лось, чтобы дать быть услышану не очень сильному — таким скорее место у костра, и в том сила их обаяния — баритону Васил'я Валидуба, кранов-

щика соляного причала. *Прошел чуть не полмира я... Зрочки в зрочки. С такой, как ты, не встретился...* Не отводя взгляда. *И думать не додумался...* И, не сказав не единого слова. *Что встречу я тебя-я-я.*

— Благодарю Вас.

— А еще?..

— Ответная любезность...

— Меньше всего. Танцуете Вы — так уж ладно!

— С детства люблю. Надо заметить, что и Вы... У нас в городе никто так...

Под финальные такты танго она сказала:

— Римма, 22 года, библиотекарь при этом ДК...

— Антон, 25, портовик. Прошу Вас считать себя приглашенной на весь вечер.

— Как сложно... Вас, себя... Но — благодарю...

...У двери дома Римма махнула рукой.

— Так-таки все? — в ответ недоуменный взгляд. Уже ей в спину: — Да, да, понимаю, строгая мама... — не то, чтобы Антон так уж стремился в ночные гости. Инерция какого-то куража.

— Фантазия у Вас, молодой человек, на уровне нашего дворника дяди Кости. Тиран-ревнивец муж! Пятеро детей, два внука... — и негромкий цок замка двери.

Назавтра в обеденный перерыв Антон одолжил у знакомого водителя велосипед-сездить в ДК. Извинился перед Риммой за вчерашнее, предложил вечером встретиться.

— И какую же программу Вы наметили? Пофланировать по набережной — людей посмотреть, себя показать?.. Ресторан?.. Ночной бар?..

— Подняться на Рыжую сопку. Оттуда вид на город — замечательный.

— Безотказный прием...

— Римма, не надо так... Не хотите — я пошел...

— Идите. Приходите к половине седьмого... Да, а Вы знаете, почему сопка Рыжая?

— Еще бы не знать! Она пол мая и весь июнь жаркбми³ полыхает...

Начала Римма четвертую встречу совершенно неожиданно:

— Антон... Нам — не следует больше видаться... — голос выдавал смятение и долгие раздумья.

— Это почему же так?!

— Пойми меня правильно. Ты мне понравился... больше чем понравился. Я боюсь тебя полюбить, если не уже... Погоди, не перебивай... Может быть,

³ Пламенно оранжевый ташежный цветок семейства лютиковых, Купальница азиатская (Trollius asiaticus L.). (Примеч. автора)

² Производственно-техническое училище. (Примеч. автора)

мы пара, — лучше не надо. Но! Ты бы знал, что говорят о тебе в городе... Тебя уважают. Точнее, ценят. Как ценят полезную вещь, утварь. Понимаешь? Автомобиль, там, холодильник, стиральную машину. Лично меня еще как! устраивает, что ты совершенно не пьешь. Но я — живу в этом городе, а он не миллионный. Надо мной уже начали хихикать. Наша жизнь будет невыносимой. Среди людей и — полное одиночество, пустота, вакуумная камера... Уехать с тобою? Нет, Антон, здесь моя деревня, здесь мой дом родной. Уже пятое поколение. Из зауральских казаков мы...

По дороге к себе Антон точно знал, что завтра положит на стол начальника заявление об увольнении. Зашел в магазин, увидел армию бутылок, полез, было, за бумажником, и тут же — видение из прошлого.

...Один раз они не успели, — Антоша прихворнул, сборы в бега затянулись. Мальчишка с ужасом смотрел, как папа-Ваня, его партнер по футболу во дворе, по русским шашкам, по городкам — была когда-то такая раззудись-плечо игра на Руси... Так вот с ужасом мальчишка наблюдал, как Иван взял самый тяжелый молоток, мало, что не кувалду. И, начав с кухни, неспешно обходя против часовой, ее, потом туалет... На этом Ирина с сыном поспешно скрылись, но у мальчика навсегда осталось. Молча, деловито, с размаху, ничего не пропуская: дверцы шкафчика с посудой, холодильник, раковину, унитаз — крушит, крушит, крушит... И — звон, звяк, грохот... не могущие уйти из памяти звуки разрушения квартиры, брызги стекла-фарфора, эмали, чугуна, дерева...

Закончив последний день работы в порту, Антон выключил приемник — здесь, так же, как и дома, в Москве, постоянно еле слышно звучавший на музыкальной волне, положил в паспорт мамину фотокарточку, тщательно убрал все папки с документами в сейф, запер его, вынес корзинку с мусором, осмотрелся, все ли в порядке, запер на ключ свой кабинет и зашел в соседний. Погосян встал из-за своего стола, подкосолпил к Антону, сжал его плечи сильными руками горца и портовика, снизу вверх вперили свои слегка навывкате черносливины в славянскую сине-голубую глуботу поднебесную. А может, сынок, все-таки?... Нет, родной мой армяшечка... Нет, батя... Сам видишь, я не такой, как все тут. Я — другой...

Константин СЕМЕНОВ

ЧЕЛОВЕК ПЕРЕД БОГОМ

Священник Вл. Зелинский. «ВЗЫСКУЯ ЛИЦА ТВОЕГО». Киев. 2007

«Взыскую Лица Твоего» — четвертая книга православного священника Владимира Зелинского (г. Брешия, Италия) на русском языке. Первоначально она была написана по-французски. Получила широкое признание и удостоилась литературной премии. Позже была переведена, а точнее переложена автором на русский язык. Можно сказать, что он написал ее заново, имея перед собой текст, ориентируемый на читателя другой ментальности. В русском варианте это не просто книга богословских размышлений о Боге и человеке, но поэтико-богословских медитаций. ореол поэтического мышления явлен здесь с характерной выразительностью.

Эта книга о человеке, стоящем перед Богом, во всей своей сложности и непредсказуемости. Он — перед Богом и вместе с тем ищет Его, спрашивает Господа о своем положении: точно ли он находится перед Лицом Его? Положение, напоминающее отца бесноватого отрока, который на вопрос Иисуса о вере, ответил: «Верую, Господи, помоги моему неверию» (Мк. 9, 24). Исповедание веры современного, пришедшего в Церковь, человека.

Впрочем, всегда человеку для полноты веры была и будет нужна помощь Свыше.

Его раздавливает гора самости. Ничего он не может поделать с нею, не ввергается гора в море по нашему слову, как обещал Спаситель. Но «наваливается на землю победно и грузно, как очевидное доказательство бессилия наших верований». Никакой психоанализ не разгребет ее, не вытащит нас из собственной пещеры. Но чудо случается там, где только Слово «облекается в каменную плоть нашего сердца. И вся наша каменность проливается, как молоко». Кто-то, кажется Александр Мень, говорил, что, если соблюдать хотя бы половину Нагорной проповеди, все комплексы наши исчезают.

В каждой главе, как в тщательно взрыхленной почве, прорастают зерна Священного Писания. Они, взятые иногда прямым текстом, потому и прорастают в вольных ассоциациях, что культура возделывания почвы высока. Я бы даже сказал, универсальна. Помощники автора, его собеседники и оппоненты, живут в разных эпохах и говорят на разных языках. Назову некоторых: Иоанн Златоуст, Альбер Камю, Максим Исповедник, Эрих Фромм, Ницше, Сартр, Шарль Пегги, Рильке

и, конечно, русские поэты. С ними у Зелинского не только языковое родство, но и сходный образ мышления. Оно метафорическое в своей основе. «Все мы нагружены планктоном образов». В каждом зарождающемся человеке заложен эмбрион творческой личности. «Нетворческих людей не бывает». Из поэтических тропов метафора — его главная союзница. Закрученная в клубок («Вещество молний») или развернутая в панораму: «Бог — это океан сущности, говорит св. Григорий Богослов. Тот океан, что плещется за видимым обликом всякой вещи, за звуком всякого имени. В нашем речевом обиходе он привычно именуется любовью. Да, слово это давно обесценилось, обесцветилось, стало похоже на обмылок, выскальзывающий из рук. Оно оказалось замешанным в те словесные игры, куда затянули его тщеславие и похоть...» Приходится, за недостатком места, прерывать цитату. Но она всегда окажется искусственно-прерванной, ибо мысль автора пространна и долга и, продолжаясь, срывается с другими. Во всем чувствуется органическое единство, сходное с цельностью лирико-эпического произведения.

Сквозные темы — ходы в его многослойном пространстве. Одна из них: «Христос рождается в нас раньше нас самих». То есть в завязи плода, в Его о нас замысле. Это подтверждается строкой Псалма. Из него она и произрастает в начале книги, и, так или иначе, напоминает о себе до последних глав. Обнадеживающее напоминание.

Здесь много личного. Священник пишет не отвлеченно; биография суровой ниткой простегивает религиозно-философское повествование. Он ведь рос и воспитывался в стране Советов и вдоволь нахлебался «той перебродившей сивухи обманного антихристового добра».

Однако, и «дурное воспитание» пошло на пользу. Наградило трезвостью взгляда, отличающего зерна от плевел. В нем нет поэтической эйфории по поводу перерождения плевел в зерна. Трезвый философ корректирует прозрения поэта. И оба они рукою священника-писателя выдерживают стиль утонченно-красочный, уравновешенный. В конце концов именно в стиле заключена вся содержательность художественного произведения. Стиль (или тон?) решает все — так, кажется, говорят французы. Если перевести разговор на язык потребителя, то согласимся, да, это

изысканная духовная пища. Не черняшка, которая сегодня более доступна и полезна основной массе верующих. Но Господь обращается не к массе, а к отдельному человеку. Он-то и есть читатель Зелинского: отдельный, но не отделенный от взаимопонимания. Да,

аристократизм, но не герметичный, не самодостаточный. Обращенный во вне, он поддерживается участием и Бога, и человека.

И это, конечно, не только медитация вслух, но и проповедь. К ней нельзя прикоснуться поверхностно. Читать

в транспорте, я пытался, бесполезно. Открывается на глубине, когда читаешь «корнями волос» (Цветаева). Такие книги предполагают в читателе соработника, и, вызвав доверие, поднимают его до себя.

Александр ЗОРИН

Священник Георгий Чистяков. «ДА УКРЕПИТ ВАС ГОСПОДЫ!» М., «Волшебный фонарь», 2008.

«Без памяти нет совести», — сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев. Перед нами столь долго-долгожданная «первая ласточка» — книга проповедей священника Георгия Чистякова. Сколько раз мы просили его выделить время для подготовки их к печати. Не хватало времени и жизни! Его *овцы* знали своего пастыря, шли за ним и, любя, старались не потерять ни одного его слова, чтобы сохранить, еще раз услышать его и поделиться с другими. Поэтому записывали сказанное им. Прихожанка храма Нина Александровна Савостьянова записывала проповеди отца Георгия с 1 января 2000 по 23 марта 2007 года. Подумайте, братья и сестры: делала это регулярно, каждую неделю: это ли не проявление любви и своего рода служение — записав, сохранить и напечатать, чтобы передать потомкам слова пастыря?

Первая книга со вкусом оформлена и изящно издана. Скрамная обложка, благородного цвета серебра, прекрасные фотографии, так точно запечатлевшие дорогой облик, особенно на облож-

ке, — словно стоишь рядом с отцом Георгием. Хорошая бумага с четким контрастным шрифтом, поэтому легко читаемым. Оригинально поставленные цифры, обозначающие страницы. И что хорошо: эпиграф к каждой проповеди! А главное — деликатный подход к расшифровке и такое исключительное бережное сохранение его речи, с характерными, как необходимый акцент, повторами, отражающими накал и горение души. Поэтому, когда видишь текст глазами, нет ощущения чтения, но осознанно слышишь бесконечно родной голос отца Георгия, его совершенно неповторимые интонации: как будто не читаешь, а слышишь на бумаге живую речь!

Это огромный труд и удивительное искусство — так издать. А также проявление любви всех, кто подготовил выпуск (С. Е. Лукьянова, Н. А. Савостьянова, Б. М. Балтер, М. С. Соловейчик, В. П. Ерохин, А. В. Лукьянов). Отдельная благодарность Марине Сергеевне Соловейчик, материально обеспечившей выход издания в свет.

Мы думаем, что издание соответствует строгому вкусу самого отца Георгия. Труд этот исполнен любовью к оставшемуся с нами отцу Георгию. Нам кажется, что у тех, кто при жизни отца Георгия не знал его, при чтении его проповедей появится чувство, что они давно знакомы.

Очень-очень просим, чтобы последующие книги проповедей издавались и оформлялись точно так же, как первая, чтобы каждая последующая книга являлась продолжением предыдущей, чтобы было ощущение ЦЕЛОГО. Так и видишь протянутую к полке руку, чтобы взять одну из книг «Собрания проповедей священника Георгия Чистякова».

С глубоким признанием —
Вера Афанасьева,
Надежда Монахова,
Михаил Монахов,
Ирина Кириченко,
Сергей Котенков,
Галина Сергеева,
Валентина Легонькова,
Елизавета Чанишвили.

Август 2008

Архимандрит Виктор (Мамонтов) «ТАИНСТВО ЖИЗНИ». «Свет Православия», 2007.

«Мало найдется книг, в которых так кратко и так ясно отражались бы основы православного духовничества. Речь идет о служении словом, о науке доброты и ее бесхитростной мудрости, об умении подарить ее другому — слушателю, читателю, собеседнику. Основа книги — в диалогах, неспешных беседах с глазу на глаз, ибо настоящее духовничество — не столько поучение, сколько исцеляющее общение. В таком евангельском дружестве читателю посылается радость обретения Отца».

Так представляет книгу о. Виктора (Мамонтова) священник Владимир Зелинский. Отзыв священника тем более ценен, потому, что о. Владимир понимает, сколь трудно это служение.

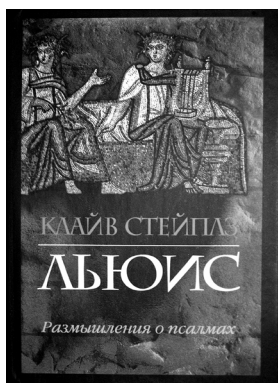
Да это по-своему понимают и читатели, миряне, ибо знают, как трудно найти духовного отца, исповедника, батюшку, который ответит на самые сокровенные вопросы души. Отец Виктор (Мамонтов) принадлежит к той редкой породе людей, которым дано не только глубоко чувствовать и видеть, но они еще и одарены словом, умеют сказать так, что слово западет в сердце собеседника. Отец Виктор говорит о простых вещах, но самых главных и жизненных, глубинный смысл их на бегу не уловишь. Для того чтобы их понять, нужно остановиться, прислушаться, задуматься, посмотреть на то, чего не замечал раньше, просто побыть наедине с Богом. И тогда начнет открываться мир совершенно

с другой стороны, и существование наше оборачивается таинством жизни. Войти в это таинство помогает сам тон книги — доверительного размышления, неспешный ритм, емкие фразы, многие из которых напоминают патериковые афоризмы и потому легко запоминаются. Такие книги хорошо читать постом или когда готовишься к исповеди, потому что текст словно чистое зеркало позволяет отчетливо увидеть себя и в себе то, что нуждается в исцелении Божьим.

Хочется порекомендовать эту книгу особенно тем, кто только начинает свою духовную жизнь, она поможет с первых шагов поставить правильные акценты. Но и тем, кто давно в Церкви, эта книга откроет неведомые еще глубины духовного опыта, вернет к первой любви, которую мы так часто забываем.

Клайв Стейплз Льюис. «РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПСАЛМАХ». М., 2008.

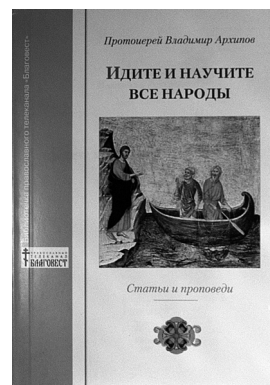
Имя Льюиса хорошо знакомо российскому читателю. Его романы, эссе, очерки в переводе Натальи Леонидовны Трауберг ходили в самиздате еще в 1970-х гг. Размышления о псалмах предназначены для всех, кто читает Библию и хочет понять Слово Божье как обращенное к нему лично. Льюис пишет для «неопытного», как он говорит, читателя, это значит, для читателя непредвзятого, которому не мешает опыт мира сего открыться навстречу любви Божьей. Он и себя считает «неопытным», в том смысле, что он не библиист, не гебраист, а просто христианин. Священное Писание, даже если его читают много лет подряд, остается откровением Божиим, а значит, всегда новым и неожиданным. И, конечно, Льюис показывает, что псалмы — это поэзия, и поэзия очень высокая, открывающая и бездну Премудрости Божьей, и бесконечную Красоту Божьего мира, и глубину человеческого страдания, и высоту, на которую Господь призывает взойти человека. Именно из псалмов мы понимаем, что значит проклятие и благословение, путь жизни и путь смерти.

Книга Псалмов — это квинтэссенция Библии, в ней представлены практически все темы, которым посвящены другие библейские книги. К тому же псалмы — это образец молитвы, а значит, школа молитвы для каждого христианина. Большая часть православного богослужения построена на псалмах. А это значит, что и богослужение лучше понимаешь, когда знаешь псалмы.

Так что книга Льюиса может служить хорошим подарком и для начинающих христиан, и для тех, кто считает себя продвинутыми в духовном делании.

Прот. Владимир Архипов. «ИДИТЕ И НАУЧИТЕ ВСЕ НАРОДЫ». Статьи и проповеди. М., 2007.

Священник Владимир Архипов служит в Сретенском храме Новой Деревни, там, где когда-то служил о. Александр Мень. Он сформировался как христианин рядом с о. Александром Меньем и стать священником решил по примеру своего духовного отца. Книга проповедей и статей о. Владимира — небольшая, но это живое слово пастыря, которое очень важно нам сегодня. Соединить Евангельское слово и наши повседневные заботы, найти в Слове Божьем ответы на наши сегодняшние вопросы, понять, что Библия — это не только памятник литературы и истории, но Книга Жизни, — все это задачи священника, который обращается с проповедью к пастве. И не важно, делает он это в храме или с экрана телевизора, в воскресной школе или со страниц газеты. Он обращается к человеку, который живет в нашем сложном мире, среди водоворота его проблем, он пытается найти на эти проблемы христианский ответ, показывает, как строить свою жизнь по Евангелию. Ведь, как говорил о. Александр Мень: «христианство — это не философия и не идеология, а возможность новой жизни».

Архимандрит Виктор (Мамонтов). «ГОСПОДЬ — ПАСТЫРЬ МОЙ».

Каждая книга о. Виктора (Мамонтова) — это долгожданное и радостное событие, даже если в книге есть уже ранее опубликованные статьи и проповеди. Его мудрая неторопливая речь (даже в печатном виде кажется, что эти слова произнесены тихим мирным голосом) всегда проникает в сердце и открывает в нем неведомые нам самим закоулки. Это не мудрость ума только, но мудрость сердца. Мудрость молитвы, в которой открываются небеса. Мудрость любви, которая единственная видит выход из тупиков и безвыходных ситуаций, врачует раны и помогает преодолеть грех.

О. Виктор часто говорит притчами, его речь афористична, каждое слово требует отклика сердца, остановки, молчания и размышления. Эта книга предназначена для тех, кто хочет научиться слышать Бога, видеть незримое, понимать то, что превосходит разум, и в тоже время — жить в простоте и глубине Евангелия. Нет лучшего лекарства от депрессии, скуки, суеты, раздражительности, обид, непросений, чем чтение книг о. Виктора. Кажется, он владеет даром исцелять и возрождать души, поскольку его слово имеет источником Слово, ставшее плотью. Питаясь от Духа Жизнеподателя, он и нам, своим читателям и слушателям, передает Его целительную силу.

Наталья Трауберг. «САМА ЖИЗНЬ». СПб.,

Маленькие отрывочки этой книги публиковались в течение нескольких лет в журнале «Истина и Жизнь», и многие наши читатели, наверняка, их читали. И теперь прочтут с радостью во всей полноте. Но и для тех, кто с размышлениями о жизни Натальи Леонидовны Трауберг будет знакомиться впервые, эта книга — настоящий подарок, потому она очень своеобразна и оригинальна. Ее жанр — это не классические мемуары и не просто воспоминания о прошедших годах и людях, встреченных автором. Это заметки на полях

жизни. Маленькие клочки живой ткани (обычно Наталья Леонидовна и пишет мелким почерком на крохотных квадратиках бумаги), из которых собирается, словно лоскутное одеяло, представление о времени и вечности, о людях и кошках, ангелах и демонах, а главное, их взаимоотношениях. И как переводчик Наталья Леонидовна понимает, как трудно эту живую ткань жизни перевести в текст и уложить многомерность реальности на плоской поверхности печатного листа. Слово бьется как бабочка о стекло, трепещет как сама жизнь...

В книгу вошли статьи, интервью и беседы, в которых Наталья Леонидовна Трауберг размышляет над многими вопросами, волнующими каждого из нас. Она пестрит многими именами, знакомыми и незнакомыми, читатель узнает много нового и неожиданного о великих и знаменитых людях, и совсем протых, ушедших из жизни и ныне живущих.

Книга посвящена двум друзьям Натальи Леонидовны — о. Георгию Чистякову и Сергею Юрову, которые так же, как она, знали, что «мы не одни, и не в бессмысленном мире».